

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 6 / 2017

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кулафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Мельников С.А., д.ю.н.;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Иррациональное в праве

Петров А.А. Парадоксы нормативного понимания правовых режимов3

Бредихин А.А. К вопросу об определении сущности идеологической функции государства8

Поскачина М.Н. Феноменологический опыт как предмет феноменологической концепции права11

Карнушин В.Е. Об актуальности научно-психологического исследования современного правосознания16

Червякова А.А. Об изменении статуса советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.20

Попов Д.В. О генезисе ст. 150 УК РФ25

Зимин И.А. Черный рынок в нацистской Германии в годы Второй мировой войны31

Представительные органы власти: опыт истории

Кабанова И.С. Формирование теоретико-правовых представлений о социальной функции государства34

Коновалова А.Г. «Ранний» парламентаризм в Великобритании в XVII–XVIII веках39

Красавцев А.Б. Опыт стран Северной Европы по либерализации политического режима в XIX–XX вв.44

Саханов Р.Р. Особенности становления суда присяжных в дооктябрьской России49

Еньшина Е.Н. Признаки государственной власти и принципы ее организации в учении П.Е. Казанского54

Валиев Р.Г. Организация государственного управления Казанским царством: основные принципы и особенности60

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 27.02.2017

Номер вышел в свет 13.04.2017

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 6 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. PI № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Irrational in the Law

- Petrov A.A.* Paradoxes of Normative Understanding of Legal Regimes.....3
Bredikhin A.L. Revisiting the Determination of the Nature of Ideological Function of the State.....8
Poskachina M.N. Phenomenological Experience as the Subject of Phenomenological Concept of Law...11
Karnushin V.E. Relevance of Scientific and Psychological Studies of Modern Legal Awareness ... 16
Chervyakova A.A. Change of the Status of Soviet Prisoners of War during the Great Patriotic War of 1941–1945 20
Popov D.V. Genesis of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation 25
Zimin I.A. Black Market in Nazi Germany during the Second World War 31

Representative Authorities: Historical Experience

- Kabanova I.S.* Formation of Theoretical and Legal Conception of Social Function of the State..... 34
Konovalova L.G. "Young" Parliamentaryism in the Great Britain in XVII–XVIII Centuries..... 39
Krasavtsev L.B. Practice of the Nordic Countries on Liberalization of Political Regime in the XIX–XX Centuries 44
Sakhapov R.R. Features of Formation of a Jury Trial in Pre-revolutionary Russia 49
Enshina E.N. Signs of the State Power and Principles of its Implementation in the Doctrine of P.E. Kazanskiy..... 54
Valiev R.G. Organization of Public Administration of Kazan Kingdom: Main Principles and Features 60

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 27.02.2017
Issue was published 13.04.2017

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Парадоксы нормативного понимания правовых режимов*

*Петров Александр Александрович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института Сибирского федерального университета,
кандидат юридических наук
sfu-pravo@yandex.ru*

В статье критикуется нормативный подход к пониманию правовых режимов, преобладающий в советской и постсоветской теории права, заключающийся в отождествлении данной правовой категории с содержащимися в формальных источниках права стандартизированными сочетаниями общих и конкретных дозволений. Демонстрируется, что аналитические и синтетические определения правового режима, встречающиеся в рамках указанного подхода, не способствуют прояснению сути указанного понятия. Объясняется, почему понятие «правовой режим» при всей его популярности у исследователей так и не получило общепризнанного в науке значения.

Ключевые слова: правовой режим, правовое регулирование, нормативное понимание правового режима, правовые средства, теория права.

Paradoxes of Normative Understanding of Legal Regimes

*Petrov Aleksandr A.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Law Institute of the Siberian Federal University,
Candidate of Legal Sciences*

The paper criticizes the normative approach to understanding of legal regimes, which prevailed in the Soviet and Post-soviet Theory of Law. Besides, the article shows how shortsighted it is to see analytic and synthetic definitions capable of making essence of this concept clear. It also explains why so widely acknowledged notion of legal regimes still does not have one unified meaning among legal scholars.

Key words: legal regime, legal regulation, normative conception of legal regimes, legal instruments, law theory.

Господствующее в отечественном правоведении понимание правового режима как особого порядка правового регулирования конкретной области общественных отношений, состоящего из совокупности юридических средств и отличающегося определенным их сочетанием¹, восходит прежде всего к работам С.С. Алексеева.

Еще в 1975 году он определял правовой режим в качестве конституирующего признака отрасли права: нет самостоятельной отрасли права без уникального юридического режима² (недаром он обращался к ме-

тафоре цвета: отрасли права раскрашивают правовую материю разноцветными красками — правовыми режимами³). По мнению Д.Е. Петрова, С.С. Алексеев, внедряя понятие правового режима, пытался найти замену в понятийном аппарате общей теории

ящая главным образом в специфике приемов (метода) регулирования, а также в его механизме. Указанная специфика настолько существенна, что складывается именно режим регулирования, особая его атмосфера — такой порядок, который пронизан едиными принципами и который сказывается на всех его элементах: и на отраслевых нормах, и на статусе субъектов, и на конкретных правоотношениях (юридических фактах, юридических санкциях и др.). Реально, в фактической жизни отраслевой режим выражается в характере и особенностях правовых связей, во всем строе правовых отношений (как общих, так и конкретных)» (Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 162).

³ Там же. С. 163.

¹ Косак А.В., Малько А.В. Основы теории правовых режимов // Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты: монография / под ред. А.В. Малько, И.С. Барзиловой. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 18.

² Позволим себе обширную цитату классика: «Юридический режим регулирования — это особая система правового воздействия, состо-

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-33-01354 «Оценка правовых режимов: реалистический подход».

права, «вкладывая в понятие «режим» большую часть того, что юридической наукой на протяжении нескольких десятилетий обосновывалось в развитие категории метода правового регулирования»⁴.

Однако уже в работе 1989 года С.С. Алексеев не так жестко «привязывает» конструкцию правового режима к отраслевой структуре права, рассматривая его как «порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования»⁵.

Подобное понимание правового режима как содержащегося в формальных источниках права стандартизированного сочетания общих и конкретных дозволений, обязываний и запретов, нормирующих определенный набор типизированных ситуаций и их групп, господствует в отечественной литературе⁶. В.Ю. Панченко и И.В. Пикулева предлагают называть такое видение правовых режимов нормативным, отмечая, что понимаемый так правовой режим «показывает отношение нормативно-регулятивных средств (правовых норм, нормативных обобщений) к удовлетворению опосредуемых правом разнообразных интересов субъектов права»⁷ и указывая на существенный недостаток такого подхода — отраже-

ние правовой жизни лишь в нормативном срезе⁸.

Нормативно понимаемый правовой режим с трудом находит себе место в понятийном аппарате общей теории права. На это обращает внимание, в частности, Д.Е. Петров. Анализируя ряд предложенных в литературе подходов к пониманию правового режима, он показывает серьезные трудности его размежевания с такими понятиями как «метод правового регулирования», «правовое регулирование», «механизм правового регулирования»⁹. В литературе, к слову, представлены версии сопоставления правового режима и с иными понятиями из арсенала общей теории права, например, с правопорядком, и версии эти порой принципиально отличны друг от друга¹⁰.

Вообще, можно выделить два принципиальных подхода к определению правового режима, встречающихся в трудах ученых-юристов, озабоченных прояснением смысла этого термина.

В рамках первого подхода значение термина «правовой режим» раскрывается через фразу, включающую слова «особый», «специфический» и подобные им в сочетании то с «юридическими средствами», то с «правовым порядком», то с «правовым регулированием», то с «методом правового регулирования». Конечно, подобные попытки определить правовой режим методом

⁴ Петров Д.Е. Разграничение понятий «метод правового регулирования» и «правовой режим» при исследовании дифференциации системы права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105). С. 148.

⁵ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев; ред. Л.А. Плеханова. М.: Юридическая литература, 1989. С. 184.

⁶ См., напр., определение А.В. Косака и А.В. Малько: «...правовой режим ... можно рассматривать как некую систему средств (прежде всего первичных — дозволений, запретов, обязанностей, а также вторичных — методов правового регулирования: императивного, диспозитивного, поощрительного, рекомендательного и т.д.), с помощью которых субъекты правовой политики пытаются установить тот или иной порядок в регулировании общественных отношений, в организации социальных связей, достигая какие-либо цели и решая тем самым определенные политико-правовые проблемы» (Косак А.В., Малько А.В. Указ. соч. С. 6).

⁷ Там же.

⁸ См. подр.: Панченко В.Ю., Пикулева И.В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 15; Панченко В.Ю., Пикулева И.В. Правовой режим реализации права маломобильных групп населения на доступность объектов социальной инфраструктуры / В.Ю. Панченко, И.В. Пикулева // Социальное и пенсионное право. 2016. № 1. С. 52–56; Панченко В.Ю. Подходы к понятию «структура правовой политики» в современном отечественном правоведении // Аграрное и земельное право. 2013. № 1. С. 72–76.

⁹ Петров Д.Е. Разграничение понятий «метод правового регулирования» и «правовой режим» при исследовании дифференциации системы права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105). С. 148–150.

¹⁰ См.: Горленко В.А. Режим правового регулирования (теоретико-прикладной аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 6; Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юристъ, 2004. С. 207; Ситников А.П. Вопросы соотношения категорий «правовой режим», «правовое состояние», «правовой порядок» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 31 (169). Право. Вып. 21. С. 9–11.

per genus proximum et differentiam specificam мало что проясняют, поскольку нерешенными остаются и вопрос о родовом понятии («правовой режим есть ...»), и проблема видовой «специфики» правового режима («...который характеризуется ...»). Это объяснимо. Понятие правового режима претендует на статус одного из наиболее общих, фундаментальных понятий теории права, а их определение методом *per genus proximum et differentiam specificam* весьма проблематично, если не сказать — невозможно¹¹. Одновременно, вспомнив о генезисе данного понятия, мы обнаружим, что оно «встраивалось» в уже довольно-таки сформированный понятийный аппарат, описывающий дедуктивную модель правового регулирования в социалистическом обществе. Отсюда — неизбежные и мало что проясняющие «метания» относительно родового понятия, видом которого следует назвать правовой режим.

Второй подход можно назвать синтетическим. Определения правового режима иногда представляют собой сложную словесную конструкцию, включающую в себя и правопрядок, и юридические средства, и способы правового регулирования. Так, к примеру, Б.Я. Бляхман, практически повторяя вышеприведенное определение С.С. Алексеева 1989 года, пишет о правовом режиме как порядке регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую напряженность регулирования¹². Рассуждая похожим образом, Г.С. Беляева описывает правовой режим как совокупность правовых средств, способов, принципов, гарантий, определяющих специфический порядок правового регулирования¹³. Главный недостаток такого рода определений состоит даже не в том, что они являются в некотором роде расплывчатыми (любое правовое понятие так или иначе имеет «бахрому неопределенности»), а в том, что неясны фунда-

ментальные условия их применимости, сомнительна их референтность. Переиначивая Г. Харта¹⁴, можно сказать, что определяемое «синтетически» понятие правового режима обладает «ядром» неопределенности и бахромой «точного значения» за счет метафоричности данного понятия. Здесь, конечно, можно посетовать на метафоричность языка правовых понятий, во многом производную от метафоричности профессионального правосознания юристов¹⁵. Но все же подавляющее большинство правовых понятий-метафор (например, то же понятие источника права) имеют некоторое конвенциональное ядро точного значения, являющееся индикатором наличия в научном сообществе (на определенном этапе его развития) консенсуса по поводу того, как следует пред-понимать указанное понятие.

Отчего же так сложно «заключить» подобную терминологическую конвенцию относительно правового режима? Скорее всего, дело в том, что понятие «правовой режим» вводилось в общую теорию советского права как попытка дать обобщенное, целостное представление о правовом регулировании того или иного участка социальной реальности, необходимом и достаточном для принятия решений по праву. Такая фундаментальная задача предполагает «пересборку» понятийного аппарата общей теории права, как минимум, в части, связанной с подходом к структурированию позитивного права и, наверное, и самим представлением о правовом регулировании. Однако необходимой для этого понятийной «революции» не произошло, а понятие правового режима стало восприниматься правоведами как удачная метафора или даже юридическая химера.

Внедрение в понятийный аппарат общей теории права понятия правового режима в качестве «точки сборки» правового регулирования и системы права с необходимостью означало бы отказ от аксиомы советско-

¹¹ См.: Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Определение *per genus proximum et differentiam specificam* и юридический язык // SCHOLAE. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. № 2 (9). С. 228–240.

¹² Бляхман Б.Я. Правовой режим в системе регулирования социальных отношений. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 16.

¹³ Беляева Г.С. Правовой режим: общетеоретическое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2013. С. 10, 13.

¹⁴ Харт Г.А.А. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, ун-та, 2007. С. 131 и сл.

¹⁵ По мнению А.А. Рубанова, метафоричность правовых понятий во многом обуславливается тем, что «юридическое сознание отличается высокой степенью консерватизма, что в конечном счете связано с охранительной направленностью деятельности человека в сфере права и государства» (Рубанов А.А. Понятие источника права как проявление метафоричности юридического сознания // Судебная практика как источник права. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1997. С. 42).

го и постсоветского правоведения — представлении об объективности строения позитивного права и, в частности, его деления по отраслям. Ведь понятие правового режима позволяет достаточно просто и методологически безупречно оперировать с разнородным правовым материалом, конструируя разноотраслевые «блоки» норм, нормативных обобщений, правовых позиций судов, незаконных предписаний, договоров и иных регуляторов поведения, как минимум, по двум критериям (определенного рода деятельность либо объект, относительно которого возможна деятельность). Если правовой режим деятельности рассматривается как базовое, фундаментальное понятие для теоретико-правового описания правового регулирования определенного участка социальной действительности, то те же «классические» (профилирующие) отрасли права превращаются из объективных явлений со своей историей и внутренней логикой развития, «перешить» которую законодатель не в силах, лишь в удобную схему описания того, как устроено право, одну из многих возможных комбинаций.

Поясним эту мысль на примере. Чтобы определить правовой режим внешней торговли, например, зерном, нужно обратиться к материалу гражданского, административного, финансового, таможенного, экологического, международного частного и международного публичного права, пересобрав его в актуальную для этого торговца зерном нормативную систему (в трактовке К.Э. Альчуррона и Е.В. Булыгина¹⁶). И таких нормативных систем может быть множество, а одна и та же норма может входить в несколько нормативных систем.

Например, правовой режим внешней торговли зерном будет отличаться от правового режима торговли зерном внутри страны, правовой режим торговли зерном будет отличаться от правового режима торговли

цементом, правовой режим торговли зерном сельхозартели будет отличаться от правового режима торговли зерном государственного унитарного предприятия, правовой режим торговли зерном в условиях военного времени будет отличаться от правового режима торговли зерном в условиях мира. Этот ряд может быть продолжен вплоть до того, что правовой режим торговли зерном в Красноярском крае отличается от правового режима торговли зерном в Краснодарском.

По этим причинам нормативно понимаемый правовой режим в рамках понятийного аппарата постсоветской теории права, во-первых, будет и впредь столь неопределенен содержательно и метафоричен.

Изложенное позволяет предложить заняться содержательным поиском того, что можно было бы вложить в понятие правового режима за пределами системы понятий, описывающих модель правового регулирования по схеме «норма — правоотношение — реализация права». Но где тогда искать более адекватное содержание данного понятия?

Намек на возможный вариант более удачного определения понятия правового режима содержат работы некоторых исследователей-отраслевиков, в которых встречаются описания правового режима той или иной деятельности с праксеологической позиции. Такие авторы хотят реально заинтересовать читателя — практикующего юриста, пытаются не просто прокомментировать в силу своих интеллектуальных способностей то, что разрешил, запретил или обязал законодатель, а дать читателю возможность ознакомиться с правовыми позициями высших судебных инстанций, иных судебных и административных органов, уполномоченных разрешать споры в указанной сфере.

И это, по всей видимости, неслучайно. Пред-понимание правового режима, ориентирующее на поиск и анализ интерпретационных актов и значимых правовых позиций, сформированных в судебной практике, как минимум, может помочь избежать недостатков нормативного понимания правового режима, сохранив его эвристический потенциал для общей теории права. Конечно, это только гипотеза, нуждающаяся в серьезном методологическом обосновании и критике.

¹⁶ К.Э. Альчуррон и Е.В. Булыгин понимают нормативную систему как некое множество норм, «которое имеет (определенные) нормативные следствия (применительно к определенному Универсуму Случаев и определенному Универсуму Решений)» (Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В. Нормативные системы // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2011. С. 313).

Литература

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев; ред. Л.А. Плеханова. М.: Юридическая литература, 1989. 288 с.

2. Алексеев С.С. Структура советского права. М. : Юридическая литература, 1975. 264 с.
3. Альчуррон К.Э., Бульгин Е.В. Нормативные системы // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. СПб. : Издат. дом СПбГУ, 2011. С. 309–472.
4. Беляева Г.С. Правовой режим: общетеоретическое исследование : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2013. 44 с.
5. Бляхман Б.Я. Правовой режим в системе регулирования социальных отношений. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1999. 172 с.
6. Горленко В.А. Режим правового регулирования (теоретико-прикладной аспект) : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб, 2002. 42 с.
7. Косак А.В., Малько А.В. Основы теории правовых режимов // Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты / под ред. А.В. Малько, И.С. Барзиловой. М. : Изд-во «Юрлитинформ», 2012. С. 10–27.
8. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М. : Юрист, 2004. 250 с.
9. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Определение per genus proximum et differentiam specificam и юридический язык // SCHOLAE. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. № 2 (9). С. 228–240.
10. Панченко В.Ю. Подходы к понятию «структура правовой политики» в современном отечественном правоведении // Аграрное и земельное право. 2013. № 1. С. 72–76.
11. Панченко В.Ю., Пикулева И.В. Правовой режим реализации права маломобильных групп населения на доступность объектов социальной инфраструктуры / В.Ю. Панченко, И.В. Пикулева // Социальное и пенсионное право. 2016. № 1. С. 52–56.
12. Панченко В.Ю., Пикулева И.В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 15–20.
13. Петров Д.Е. Разграничение понятий «метод правового регулирования» и «правовой режим» при исследовании дифференциации системы права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105). С. 147–152.
14. Ситников А.П. Вопросы соотношения категорий «правовой режим», «правовое состояние», «правовой порядок» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 31 (169). Право. Вып. 21. С. 9–11.
15. Рубанов А.А. Понятие источника права как проявление метафоричности юридического сознания // Судебная практика как источник права. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1997. С. 42–48.
16. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 302 с.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ
ГРУППА**

(4842) 70-03-37

**буклеты • визитки • листовки • постеры
календари • журналы • книги • брошюры**

К вопросу об определении сущности идеологической функции государства

*Бредихин Алексей Леонидович,
старший преподаватель кафедры
конституционного и административного права
Санкт-Петербургского филиала
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
кандидат юридических наук
axel_b@mail.ru*

В данной статье автор определяет сущность и дает определение идеологической функции государства, рассматривает основные процессы в рамках реализации идеологической функции государства, выделяет структурные элементы механизма реализации идеологической функции государства.

Ключевые слова: функции государства, государственная идеология, идеологическая функция государства, механизм реализации идеологической функции государства.

Revisiting the Determination of the Nature of Ideological Function of the State

*Bredikhin Aleksey L.,
Senior Lecturer of the Department
of Constitutional and Administrative Law
of the St. Petersburg Branch
of the National Research University "Higher School of Economics",
Candidate of Legal Sciences*

In this article the author defines the essence and defines the ideological function of the state, discusses the basic processes in the framework of realization of ideological function of the state, highlights the structural elements of mechanism of realization of ideological function of the state.

Key words: functions of the state, state ideology, ideological function of the state, the mechanism of realization of ideological function of the state.

Государство как общественный институт со времени своего возникновения эволюционирует и развивается. Те или иные устоявшиеся характеристики обретают новые значения и содержание. Это можно отнести и к такой важной категории как функции государства.

Точек зрения относительно перечня функций государства и их значений большое множество, среди которых некоторые ученые выделяют и идеологическую функцию государства¹. Отметим при этом, что наименование «идеологическая функция» является достаточно условным и не отражает всего многообразия свойств этой государственной функции.

Содержание идеологической функции рассматривают через анализ категорий: «функции государства» и «государственная идеология».

Функции государства — это основные направления деятельности государства, об-

условленные его сущностью и содержанием, а также стоящими перед ним на том или ином этапе его развития целями, задачами и его социальным назначением². Данная позиция о понимании функций государства в целом поддерживается большинством ученых³.

Под идеологией обычно понимают «совокупность мировоззренческих установок, идеалов, ценностей, интересов общественных групп, отражающую так или иначе те социальные условия, в которых они находятся»⁴. Следовательно, государственная идеология — это те идеалы и ценности, которых придерживается государство в осуществлении своих за-

¹ См: Буховец А.Н. Идеологическая функция государства : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: Академия управления МВД России. М., 2002.

² Марченко М.Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК «Велби». Изд-во «Проспект», 2006. С. 327.

³ См: Куковский А.А. Некоторые вопросы определения понятия «функции государства» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2009. № 19. С. 6–9.

⁴ Козырев М.С. Идеология и ее роль в российском государственном управлении : монография. М. : НУ ОАОУ, 2013. С. 26.

дач, та модель общественного и государственного устройства, достижение которой является целью государственной власти.

А.И. Клименко указывает, что «посредством своей идеологической функции государство определяет формирование правового и политического сознания граждан, что способствует укреплению общественной системы ценностей, достижению социально полезных целей»⁵. А.Н. Буховец отмечает следующее: «Говоря о содержании идеологической функции государства, предлагается выделить два основных блока, определяющих идеологическое поле государственной деятельности. Во-первых, любое государство, собственно, создает и поддерживает ту или иную идеологию, т.е. внедряет в сознание членов общества определенную систему политических, правовых, нравственных, этических взглядов, поскольку через них проявляется отношение людей к существующей действительности, прежде всего к общественно-политическому или, как принято сегодня говорить, конституционному строю, правовому и общественному порядку и т.д. Поэтому, на наш взгляд, ни одно государство не может безразлично относиться к тому, какие идеологические взгляды культивируются в сознании членов общества. Во-вторых, непосредственно сама идеологическая деятельность государства проявляется не только в создании и реципировании каких-либо идеологием в чистом виде, но и в использовании иных, более тонких и современных форм идейного воздействия, которые прямо или опосредованно связаны с развитием и разносторонней поддержкой науки, культуры, образования»⁶.

Таким образом, ученые в значительной степени ставят знак равенства между идеологией и идеологической функцией государства, не углубляясь в содержание идеологической сущности государства как такового.

Следуя вышеприведенной логике, можно сделать некоторые парадоксальные выводы. Так, в статье 13 Конституции РФ установлено, что в России признаются политическое и идеологическое многообразие, многопартийность, равенство общественных объеди-

нений перед законом. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Следовательно, в России не может быть государственной идеологии и российское государство не выполняет идеологическую функцию? Между тем это не так.

Установленный в Конституции РФ запрет на установление той или иной идеологии в качестве государственной или обязательной означает, что никакая система взглядов и ценностей не может быть идеальной. Множество идеологий позволяет в конечном итоге учесть мнение всех социальных групп населения и прийти к обществу согласию по магистральным направлениям развития общества и государства. Так, установленная в качестве государственной коммунистическая идеология, не допуская плюрализма мнений, в конце концов показала свою несостоятельность и привела к распаду государства.

Считаем, что необъективность выводов некоторых исследователей при определении сущности идеологической функции государства связана с излишней концентрацией на содержании категории «идеология государства». На наш взгляд, более справедливо при определении идеологической функции государства исходить из базового определения функций государства, как основных сущностных направлений его деятельности.

Исходя из этого, **идеологическая функция** является основным и постоянным направлением деятельности государства как общественно-политического института, содержанием которого является процесс построения определенной модели общественно-политических отношений в границах данного государства. Осуществление государством идеологической функции непрерывно, но непостоянно в содержательном плане. То есть идеологическая функция присуща любому государству с момента его появления вне зависимости от господства той или иной идеологии как системы идей и взглядов на данный конкретный период времени. Государственная же идеология как согласованная система взглядов и идей устройства общества, всегда конкретна и определяется конкретным периодом действия.

Вместе с тем данные понятия неразрывно связаны. Властные распоряжения, исходящие от государства, определяются, как правило, системой идей и мировоззренческих

⁵ Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2005. С. 56.

⁶ Буховец А.Н. Идеологическая функция государства : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: Академия управления МВД России. М., 2002. С. 15–16.

позиций субъектов государственной власти, что можно определить как государственную идеологию. Вместе с тем переход власти к иной политической группе не изменяет сущность идеологической функции государства.

Основными процессами в рамках осуществления идеологической функции являются:

а) легитимация государственной власти, т.е. воздействие на население государства в целях принятия им правящей элиты как государственной власти, формирование доверия населения к власти и реализуемым ею управленческим решениям.

Важнейшими способами легитимации являются установленные в конституции и законодательстве выборность органов государственной власти, наделение населения правом решать основополагающие государственные вопросы на референдуме, установление системы реализации прав граждан и их защита (в т.ч. через судебные и правоохранительные органы).

Также легитимация осуществляется путем создания системы прямого взаимодействия между гражданами и государственной властью. Это, например, установление обязанности отчета правительства перед парламентом (как представителем населения), обязанность ответа органов государственной власти на обращения граждан и т.п.

Важнейшим механизмом легитимации являются гарантии прав и свобод негосударственным институтам, в числе которых общественные, религиозные, а также коммерческие организации;

в) целеполагание государственной власти, т.е. постановка основных целей развития и формирование образа будущего государства при поддержке населением этих целей и при его непосредственном участии в их реализации. Главным образом это касается проведения глубоких реформ и при их проведении очень важно принятие их на-

селением, общественными организациями и группами. В противном случае возможны массовые выступления вплоть до попыток совершения революции.

Сами цели государственной власти (и самого государства) закрепляются в законодательстве (конституции, законах, доктринах, концепциях, посланиях президента и иных документах). Так, например, преамбула Конституции Российской Федерации устанавливает цели и образ будущего государства, военная доктрина определяет цели и основные принципы военной политики государства.

Идеологическая функция государства реализуется в различных формах, с использованием различных средств, методов и способов. Механизм реализации идеологической функции государства включает в себя систему государственных органов и систему юридически значимых документов, в которых оформляются положения идеологии, а также методы и способы исполнения управленческих решений в данной сфере.

Государственные органы, на которые возложена реализация идеологической функции государства, не обязательно являются специализированными. Как правило, эти функции и задачи распределены между различными органами власти в той или иной мере.

Таким образом, понятие «идеологическая функция государства» не является тождественным категории «государственная идеология», так как первое является процессом, а второе определяет сущностное содержание. **Идеологическую функцию** государства можно определить как основное и постоянное направление деятельности государства как общественно-политического института, содержанием которого является процесс построения определенной модели общественно-политических отношений в границах данного государства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. М., 2016.
2. Буховец А.Н. Идеологическая функция государства : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: Академия управления МВД России. М., 2002.
3. Клименко А.И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2005.
4. Козырев М.С. Идеология и ее роль в российском государственном управлении : монография. М. : НУ ОАОУ, 2013.
5. Куковский А.А. Некоторые вопросы определения понятия «функции государства» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2009. № 19.
6. Марченко М.Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби. Изд-во «Проспект», 2006.

Феноменологический опыт как предмет феноменологической концепции права

*Поскачина Марина Никитична,
докторант Санкт-Петербургского государственного университета
mposkachina@gmail.com*

В статье рассматривается ценностный аспект феноменологического опыта в сравнении с опытом юридическим в свете концепции Г.Д. Гурвича, которая соединяет различные методологические установки. Соответственно анализируются понятия «опыт» и «феноменологическое мышление» в целях выяснения ценностного отношения к праву с позиций неокантианства и феноменологии. В результате обосновывается юридическая категория «эпистемологическая ценность права», содержание которой отражает отношение человека к праву и его свойствам, но вне общественных отношений существование данной категории теряет всякий смысл.

Ключевые слова: юридический опыт, феноменологический опыт, феноменологическое мышление, позитивизм и феноменология.

Phenomenological Experience as the Subject of Phenomenological Concept of Law

*Poskachina Marina N.,
Doctoral Student of the St. Petersburg State University*

The article deals with axiological aspect of phenomenological experience in comparison with experience of law in the light of the concept of G.D. Gurvich, which connects various methodological attitudes. Accordingly analyzes the notion of "experience" and "phenomenological thinking" in order to clarify values related to law from the standpoint of neo-Kantianism and phenomenology. The result substantiates the legal category of "epistemological value", the content of which reflects the person's attitude to law and its properties, but outside of social relations the existence of this category is meaningless.

Key words: legal experience, phenomenological experience, phenomenological thinking, positivism and phenomenology.

Актуальность выдвинутой проблемы обусловлена необходимостью применения разных методов научного познания, посредством которых выявляются общие и частные закономерности развития права. Одним из них является функционирование российской правовой системы, зависящее от накопления юридического опыта, приобретаемого в процессе той или иной юридической деятельности и отражаемого в индивидуальной и надиндивидуальной памяти в форме «культурных образцов», стандартов, типичных решений (действий, операций, используемых средств и т.д.). Не имея достаточных юридических знаний, навыков, умений, субъект не может ставить перед собой каких-либо целей, осознанно прогнозировать требуемые результаты деятельности, стабильно и эффективно их добиваться, совершенствовать способы, методы, приемы правового регулирования общественных отношений. Иными словами, усвоение юридического опыта является важной предпосылкой осуществления субъектами юридически значимого поведения. Без накопления юридическо-

го опыта также немислимо формирование личного и общественного правосознания. Даже наиболее абстрагированные или гипотетические теоретические правовые идеи и взгляды всегда имеют своим первичным (пусть даже очень отдаленным) информационным основанием опытные юридические сведения. Именно на юридическом опыте основываются система юридических оценок и правовое мировоззрение в целом. С учетом содержания юридического опыта вносятся изменения и дополнения в действующие акты в связи с их неэффективностью, несоответствием последних современному уровню развития общественных отношений, новым социальным требованиям. Вместе с тем юридический опыт выступает необходимым условием и одновременно основой любого теоретического исследования в сфере права, поскольку он вносит первичную объективную информацию о явлениях, объектах правовой системы общества, их свойствах, связях и состояниях.

Анализ юридической литературы показывает, что существует различная трактов-

ка понятия «юридический опыт» как опыта надиндивидуального (объективированного) юридического опыта. Например, как итоги юридической или судебной практики даны у С.С. Алексеева; как правовоположения — у В.В. Лазарева; как практически-прикладные принципы — у В.Н. Карташова; как правовые позиции — у Н.А. Власенко и др. Но основное отличие между опытом юридическим и опытом феноменологическим обнаруживается в ценностном отношении к праву с позиций позитивизма и феноменологии. Это мы видим в социологической концепции Г.Д. Гурвича, соединяющей различные методологические установки, начиная от субъективного идеализма И. Фихте, феноменологии Э. Гуссерля и кончая историческим материализмом К. Маркса, витализмом А. Бергсона, реализмом С.Л. Франка, Н.О. Лосского, Н. Гартмана, психологизмом Л.И. Петражицкого, а также в концепции неокантианства и в феноменологической теории познания Э. Гуссерля. В концепции Г.Д. Гурвича важны два момента. Во-первых, действительно ли опыт является единственным источником знания, когда наука об обществе должна быть эмпирической, основанной на данных опыта.

В само понятие «опыт» он вкладывал широкое значение и эмпирически выделял два уровня опыта: поверхностный и глубинный. Первый заключается в сознательном конструировании понятий опытных данных, второй задан человеческому сознанию априорно до всякого познания — это непосредственный и спонтанный опыт, воспринимаемый через интуицию: то, что Гурвич называет «непосредственным интегральным опытом». Опыт и его данные, по Гурвичу, не ограничены сферой чувственного, но простираются и в сферу идеального, в мир «духовных значений». Во-вторых, эти высказывания Г.Д. Гурвича об опыте вообще привели к его рассуждениям о юридическом опыте в правоведеии, ставшем предметом научных споров, и они подчинены решению одного важного вопроса — какой же методологии необходимо придерживаться, из чего же состоит специфическая правовая действительность и каким образом ее можно постичь. В этих целях, с одной стороны, он дает оценку разным теориям правовой действительности. Он считает, что ни в одной из них не дается правильный ответ. И общий для всех этих попыток недостаток заключается в сведении специфической действительности к

действительности совершенно иного порядка: нормативного, понятийного, психологического, социологического, нравственного, вплоть до действительности силы и произвола, и является результатом методологической ошибки, общей для всех сторонников названных подходов¹. С другой стороны, следуя правилу А. Бергсона о необходимости приложения нового философского усилия для всякой новой проблемы, Г.Д. Гурвич утверждает, что все эти теории носят чисто конструктивистский характер. В частности, позитивисты юридического и социологического направлений конструируют правовую действительность ничуть не меньше, чем концептуалисты, нормативисты и метафизики. Никакая сфера действительности не может быть реконструирована во всей специфике — она может быть обретена, схвачена в отдельно взятом опытном восприятии, в котором она ощущается и воспринимается непосредственно. Так как «истина заключается в том, что существование может быть понято только в опыте», как утверждает А. Бергсон².

В результате Г.Д. Гурвич приходит к мысли, что укоренившаяся склонность правоведов к догматизму, которая заставляет их отождествлять приемы юридической техники определенного периода с логикой права, обрекает философию права на медленное и трудное следование за общим ритмом развития философии, тогда как философия точных наук зачастую предвосхищает эволюцию философии в целом. В качестве примера он ссылается на трудности, с которыми кантовский критицизм проник в теорию права: не только правоведы кантовской эпохи,

¹ Он считает, что «правовая действительность как норма чистого долженствования, правовая действительность как феномен субъективного сознания, правовая действительность как внешний социальный факт, правовая действительность как законодательство и обобщенная правоприменительная практика, правовая действительность как нравственный постулат, правовая действительность как веление государства и т.п. — ни одна из этих теорий, столь разнообразных в своих тенденциях и в защищаемых ценностях, не дала удовлетворительного ответа на проблему, которую они желали разрешить» // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский дом, 2004. С. 217.

² Ссылка на работу А. Бергсона. См.: Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский дом, 2004. С. 218.

но и сам Кант придерживался догматического подхода к праву. Одним из таких трудностей является проблема последовательного разграничения «догмы права», «социологии права» и «философии права». По мнению Г.Д. Гурвича, это является бесполезным, искусственным и бесплодным. Потому ведет к беспомощности каждой из трех научных дисциплин³. Эту мысль Г.Д. Гурвич обосновывает тем, что «правовед не может отрывать науку о праве ни от социологического исследования подлинно действенного и живого права, ни от философского исследования духа и принципов права»⁴.

Более того, Г.Д. Гурвич утверждает, что если бы претендующая на формулирование правовых принципов философия права не принимала во внимание того научного материала, который предоставлен ей догмой права и социологическим описанием многообразия проявлений жизни права, то она представляла бы собой лишь разновидность догматического рационализма, давно уже преодоленного развитием философской мысли. Он выступает за признание взаимобусловленности названных научных дисциплин, так как «правоведение, юридическая социология и философия права строят свои рассуждения на одном и том же юридическом опыте, в равной мере предшествующем каждой из названных научных дисциплин, каждая из которых по-своему и под особым углом зрения использует данные такого опыта»⁵. Г.Д. Гурвич осознавал сложность юридического опыта и воспринимаемой посредством него действительности. Поэтому он рассуждал об их различии в свете позитивистской и нравственной методологий и полагал, что «если данная в рамках нравственного опыта действительность имеет скорее идеальный характер, то воспринимаемая через юридический опыт правовая действительность находится между миром чувственно воспринимаемых фактов и идеальным миром. Находясь на полпути между чувственным и духовным опытом, опыт

юридический в качестве первичных данных имеет не идеальные ценности и не чувственно воспринимаемые факты, а «нормативные факты», самим своим существованием воплощающие ценности. Поскольку право выступает в качестве посредствующего звена между моралью и логикой, между творческим порывом и стабильностью в рамках некоей системы, между исключительно качественным и количественным, между строго индивидуализированным, незаменимым и всеобщим, то и юридический опыт оказывается разобобщеннее, антиномичнее и противоречивее, чем любая другая сфера опыта, самого по себе полного несводимых к другому элементов»⁶.

При такой ситуации можно ли утверждать, что феноменологический опыт сознания как одна из сфер опыта имеет одно преимущество перед юридическим опытом: это то, что он относится к индивидуальному опыту сознания и конструирует свой образ правовой действительности. Полагая, что такое утверждение является фундаментальной основой феноменологического опыта, его обоснование опирается на суждение о том, что изучаемый опыт есть предмет феноменологического метода, развертываемый в двух традициях: неокантианской и феноменологической. Продолжение начавшейся феноменологической традиции права мы видим в современных правовых исследованиях, которые следуют тенденции преодоления неокантианского идеализма, господствовавшего в западной науке права в начале XX века. Основные принципы неокантианства сводятся к трем основным началам. Первое. Трактатка философии исключительно как критики познания. Второе. Ограничение познания сферой опыта и отказ от притязаний онтологии на статус научной дисциплины. Третье. Признание обуславливающих познание априорных норм. Как происходила реализация указанных принципов, показывает история развития самого течения. Так, представители данного направления подвергали критике послекантовскую философию и выдвинули призыв «Назад к Канту». Самыми известными представителями неокантианства были Ф.А. Ланге, Г. Коген — основатель Марбургской школы, В. Виндельбанд — основатель Фрейбургской школы и Г. Риккерт. Характерной чертой их взглядов на науку и методологию является

³ Под «догмой права» понимается некая экзегеза, т.е. систематизация и интерпретация действующего права; под «социологией права» — описание основных функций права, причин его возникновения и изменения; под «философией права» — рассуждения об идеальной структуре права.

⁴ Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский дом, 2004. С. 220.

⁵ Там же. С. 221.

⁶ Там же. С. 221.

ся очевидная противоположность позиции позитивизма. Они выступали за выдвижение на первый план в европейском научном мышлении критерия технологической плодотворности научной идеи.

В частности, Ф.А. Ланге выдвигал задачу противопоставления распространявшемуся в то время среди естествоиспытателей материализму критического идеализма Канта, соответствующим образом переработанного и дополненного результатами физиологических исследований⁷.

Первый преемник Ф.А. Ланге Г. Коген делал упор на логическую сторону кантовского учения и рассматривал познание как чисто понятийное конструирование предмета. Познаваемую действительность Коген трактовал не как данность, а как «переплетение логических отношений», заданное наподобие математической функции.

Разрабатывая собственную концепцию, представители материализма и неокантианства столкнулись с непреодолимой проблемой. Оказалось, что, исключив из рассмотрения понятие «вещи-в-себе», невозможно решить столь существенную для гносеологически ориентированного неокантианства проблему объективности познания. Это привело к отходу многих представителей от основных принципов неокантианства, к разработке онтологических концепций и концепции символических форм, либо обращению к гегелевской диалектике и переходу к неогегельянству.

⁷ Ланге Ф.А. История материализма. Берлин, 1866. С точки зрения раннего неокантианства задача, которую ставили перед спекулятивным мышлением немецкие идеалисты, — построить всеохватывающую рациональную картину действительности — не может быть решена наукой: познанию доступны лишь части, целое же является предметом творческого вымысла, который есть «необходимое порождение духа, вырастающее из глубочайших жизненных корней нашего рода». Поэтому по Ланге, метафизика является сферой того же порядка, что искусство или религия, и представляет собой «поэзию понятий». Основную заслугу Канта Ланге видел в выдвижении положения о том, что не наши представления согласуются с познаваемыми предметами, а наоборот. На этом основании Ланге считает, что материализм правомочен лишь как максима естествознания, но не как философское учение о природе объективной действительности, поскольку такие понятия естественнонаучного материализма, как материя, атом, сила и т.п. являются лишь вспомогательными средствами, которые мы сами создаем с целью понять мир.

В отличие от марбургской и баденской школ, стремившихся исключить из рассмотрения проблему «вещи-в-себе», представители критического реализма, такие как А. Риль и О. Кюльпе, считали «вещь-в-себе» необходимым основанием материала ощущений. Поскольку, с их точки зрения, разум не создает предмет, а лишь придает ему априорную форму. Признавая за систематическим единством трансцендентальной апперцепции статус высшего принципа познания, критические реалисты считали пространство и время не априорными формами созерцания, а определениями самой «вещи-в-себе», более глубокое познание природы, которое ими отрицается.

Своеобразным возвратом к раннему неокантианству был психологизм образовавшейся в начале XX в. фризской школы неокантианства, во главе которой стоял Л. Нельсон. Представители этой школы, воспринимавшие философию Канта через призму взглядов кантианца Я.Ф. Фриза, показывали невозможность нормативной теории познания. С их точки зрения, всякая теория познания, цель которой — разработка критериев истинности знания, сама является определенным знанием. И, следовательно, уже предлагает наличие такого критерия, т.е. содержит в себе логическую ошибку «порочного круга». Значимость априорных форм познания представители фризской школы пытаются обосновать не логически, а путем психологической интроспекции. В этом смысле научное познание права предполагало бы обращение к этической теории Канта, которая явилась первой систематической разработкой деонтологической модели естественного права.

Изучение законов и практики их применения, по мнению Канта, никогда не может дать человеку знание о том, что есть право и как его отличить от неправа. Для этого нужно обратиться к разуму, ибо один лишь разум устанавливает основу для возможного положительного законодательства. «Чисто эмпирическое учение о праве, — писал Кант, — это голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга»⁸. Такая теория, основанная на нравственном аргументе, у Канта, несомненно, существует, несмотря на то, что как предметы изучения мораль — метафизический феномен, и право — эмпи-

⁸ Кант И. Сочинения в шести томах. Том 4. Часть 2. М., 1965. С. 139.

рическое позитивное явление, у него четко разделяются и в некоторых отношениях даже противопоставляются»⁹. Формализму кантовской этической системы противопоставит неокантианская модель естественного права Р. Штаммлера. Его работы появились в период действия юридического позитивизма, по характеру своих основных философских установок являлись антиподом естественно-правовых учений.

Общефилософские, гносеологические позиции, из которых исходил Р. Штаммлер при построении своей теории, были развиты в конце прошлого столетия представителями марбургской школы. Г. Коген и П. Наторп последовательно проводили принцип субъективизма в гносеологии, трактовке ею проблем в духе субъективного идеализма. Кантовская идея непознаваемой «вещи-в-себе» была отброшена и заменена тезисом, согласно которому предмет познания создается самим нашим мышлением. Мир, каким мы его видим и представляем, зависит от того, как мы о нем мыслим. Неокантианцы марбургской школы приходят в конечном счете к абсолютизации метода познания, к вере в способность метода создавать и определять предмет познания. Так, для Р. Штаммлера, как и других неокантианцев, вначале стоит познание: кто хочет установить законы человеческой общественной жизни, утверждает он, тот должен предварительно обладать ясным представлением о тех общих условиях познания, каким необходимо подчинена всякая социальная наука, как бы своеобразна она ни была. Свою задачу он видел в выработке системы категорий и понятий, способных стать высшей объединяющей формой, внести единство в отдельные и сменяющиеся явления социальной жизни. В таком виде субъективно-идеалистическая гносеология неокантианства несет в теории Р. Штаммлера значительную нагрузку, так как эта теория представляла методологию, с помощью которой Р. Штаммлер надеялся преодолеть марксистское понимание истории. Противопоставляя право и хозяйство как форму и содержание общественного бытия, Р. Штаммлер утверждал логическое, а не генетическое или казуальное первенство формы, т.е. права. Право и юридическое познание в теории Р. Штаммлера имеют очевидный примат перед хозяйством и другими типами познавательной деятельности.

Учение о справедливости или идея права, по Штаммлеру, являются именно той частью философии права, которая вплотную подходит к идеальности в области права. Основным признаком этой части юридического философствования состоит в его подчеркнуто резкой антиэмпиричности. Познание сущности права, считал Р. Штаммлер, следует всегда начинать, отправляясь как бы от двух концов его реальности, от исторически обусловленной эмпирической действительности и от социального идеала. Первый путь приводит к понятию права, второй — к идее права¹⁰. Право есть род социального воления, специфический тип воли, но одного только изучения эмпирической реальности правовых систем и норм, по его мнению, недостаточно для того, чтобы определить понятие права; для этого нужно описать правовую волю, категорию, относящуюся к логическому опыту, логическому методу организации мышления¹¹.

В противоположность неокантианству, искавшему в теории познания стратегию, которая наилучшим образом раскрыла бы возможности трансцендентального субъекта, феноменологическая школа права рассматривает онтологическую основу права как независимое от законодателя бытие. Идеальная основа — эйдос права — особый мир «бытия правовых понятий и норм». Сложный процесс отражения социальных отношений, интересов, целей в правовых нормах в результате сознательной целенаправленной деятельности правотворческих органов изображается представителями феноменологической школы права как «угадывание» законодателями или судьей уже готовых, сложившихся правовых моделей.

В области познания права это означает, что первичной основой интенционального представления о праве является философская феноменологическая концепция науки. Она раскрывает основную идею феноменологического мышления, согласно которой наряду с реальным, эмпирически изменчивым правом существует идеальное — эйдетическое, универсальное право. Отсюда идеальное право становится сущностью права, обуславливающей существование реальных правовых понятий, явлений, норм и конструкций, и одновременно явившейся критерием оценки действующего права. Ценность

⁹ Мальцев Г.В. Понимание права. М., 1999. С. 57.

¹⁰ Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведение. СПб., 1907. С. 73.

¹¹ Там же. С. 63.

подобного понимания права заключена в необходимости постоянной философской и правовой рефлексии над основаниями научного знания о праве.

Литература

1. Антонов М.В. Мир права Г.Д. Гурвича // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб. : Издательский дом, 2004.
 2. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб. : Издательский дом, 2004.
 3. Ильин И.А. Собрание сочинение. Том четвертый. Понятия права и силы (Опыт методологического анализа). М. : Русская книга, 1994.
 4. Кант И. Сочинения в шести томах. Том 4. Часть 2. М., 1965.
 5. Ланге Ф.А. История материализма. Берлин, 1866.
 6. Луковская Д.И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1985.
 7. Мальцев Г.В. Понимание права. М., 1999.
 8. Музыченко П.Б. Актуальные проблемы теории и практики идентификации личности // Российская юстиция. 2014. № 9. С. 49–52.
 9. Поляков А.В. От научного редактора // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб. : Издательский дом, 2004.
 10. Хоркхаймер М. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Ч. 1. 1914–1939. М., 2008.
 11. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведеление. СПб., 1907.
-

Об актуальности научно-психологического исследования современного правосознания

*Карнушин Вячеслав Евгеньевич,
директор ООО «Городской юридический департамент»,
кандидат юридических наук
KarnushinV@gmail.com*

В статье обращено внимание на необходимость исследования современного правосознания не только с позиции философии права и теории права, но также и с научных позиций психологии и отраслевых правовых наук.

Ключевые слова: правосознание, теория права, философия права, психология.

Relevance of Scientific and Psychological Studies of Modern Legal Awareness

*Karnushin Vyacheslav E.,
Director of City Legal Department, LLC,
Candidate of Legal Sciences*

The article drew attention to the need of study the modern sense of law not only from the standpoint of the philosophy of law and legal theory, but from the standpoint of the scientific positions of psychology and profiling legal sciences.

Key words: sense of law, theory of law, philosophy of law, psychology.

Актуальность исследования правосознания и в особенности гражданского правосознания состоит сразу в нескольких обстоятельствах теоретического и практического характера.

В первую очередь следует описать теоретические соображения, подвигающие к исследованию данной проблематики.

В современной науке теории права и философии права не имеется достаточного объема доктринальных разработок правосознания.

Состояние науки в настоящее время ограничивается некоторым количеством научных статей, отдельными главами учебников, а так-

же лишь несколькими профильными монографическими исследованиями по данной тематике.

Основным трудом, который использует в настоящее время большинством специалистов, нуждающихся в познании правосознания, является работа И.А. Ильина «О сущности правосознания», вышедшая в свет в 1956 году.

Работа «О сущности правосознания» является величайшим произведением и достижением отечественной теории и философии права.

Эта работа была написана на злобу дня в условиях особого революционного социально-культурного контекста. И.А. Ильин основывал свои взгляды на глубочайшем анализе действительности, испытывая влияние со стороны философии Г.В.Ф. Гегеля (отрицая в то же время свою принадлежность к «гегельянкам»).

Основные идеи о правосознании И.А. Ильина были сформированы к 1919 году, однако в связи со столь неприемлемыми для большевиков взглядами и репрессивными мерами, закончившимися высылкой И.А. Ильина из России, фундаментальный труд под названием «Учение о правосознании» не был опубликован. Этот труд не опубликован и до сих пор.

Идеи И.А. Ильина содержатся в докладе о проблеме современного правосознания, зачитанном в Берлине в 1923 году¹.

Безусловно, идеи И.А. Ильина служат руководящим началом для всякого исследования правосознания в современности. Между тем следует иметь в виду, что кардинальное изменение социально-культурного контекста не позволяет применять данные идеи в том виде, в котором они изложены великим ученым.

Помимо изменения социально-экономической, а также культурной и иных сфер общественной жизни, произошли существенные изменения в самой науке и в мировоззрении.

В настоящее время философия права как тип правового мировоззрения отошла на второй план, уступив место научному мировоззрению.

Рационализация человеческого рассудка и увеличение роли научного мировоззрения ставят новые задачи перед теорией права и отраслевыми правовыми науками.

Такие задачи состоят в том, чтобы дать теории права, а через нее отраслевым наукам научный материал в качестве базы для продвижения теоретико-правовых и политических исследований.

В области исследования правосознания это означает необходимость использования накопленных знаний науки, самым непосредственным образом изучающей сознание и психику человека. Такой наукой является психология, в особенности ее раздел, посвященный изучению личности.

Нужно отметить, что изменения в мировоззрении не осознаются теми немногими теоретиками права, изучающими правосознание.

В качестве примера может выступить диссертационное исследование и сопутствующая монография В.П. Малахова под названием «Природа, содержание и логика правосознания»². Эта работа в качестве своей методологической основы использует философию права, но не использует наработки современной психологии.

Является ли это достоинством или недостатком данной работы? Этот вопрос не может являться предметом научного исследования. Правильнее указать на то, что само по себе наличие одной или даже нескольких работ, основанных на наработках философии права, является явно недостаточным для развития науки теории права в области правосознания.

Выражаясь другими словами, появление междисциплинарных исследований могло бы дать толчок для дальнейшего развития теории права.

Философия права дает определенный массив знаний для теории права, данный массив знаний может приводить к совершенно различным выводам по сравнению с теми, которые могли бы быть получены при исследовании теории права, в частности правосознания, с использованием знаний психологии. Это убедительно доказано на примере Т. Куна о том, что различные эмпирические (и вообще любые данные) и господство различных парадигм исследований у различных ученых может приводить к совершенно различным выводам и определениям³.

¹ Ильин И.А. Проблема современного правосознания // Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 445.

² Малахов В.П. Природа, содержание и логика правосознания : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2001. 502 с. РГБ ОД, 71:02-12/101-8.

³ Кун Т. Логика и методология науки. Структура научных революций. М., 2004. 150 с. С. 40.

Если теория права достаточно успешно развивалась с использованием знаний философии права, то в настоящее время можно наблюдать спад развития избранной парадигмы.

Таким образом, здесь уже наблюдается практическая значимость исследования правосознания. Философия права выстраивает идеалы, зачастую не достижимые в жизни, наука, напротив, строит теории, основываясь на эмпирическом и теоретическом материале. Идеалы, выстроенные И.А. Ильиным в понимании и развитии правосознания при использовании философии права, не позволяют в полной мере решить практические проблемы, встающие перед теорией права.

В частности, остается неразрешенным вопрос о том, почему данный идеал правосознания, когда право признается всеми из чувства долга как необходимое и всеобщее, до сих пор не достигнут и почему он вообще никогда не был достигнут в историческом контексте.

В настоящее время мы наблюдаем кризис правосознания, непонимание действующего права, непризнание его, повинение праву лишь из страха или прямого физического принуждения — схожую ситуацию, которую наблюдал И.А. Ильин непосредственно перед ссылкой в 1922 году.

Сможет ли теория права, имея философско-правовую базу, решить насущные практические проблемы?

С такой целью можно проанализировать отдельные выводы, полученные в ходе диссертационного исследования В.П. Малахова, в котором также используются философско-правовые достижения.

В диссертации обосновывается необходимость органического внедрения концептуальных идей и принципов философии права в теорию права, в то же время не допуская слияния философии и теории права⁴.

С позиции науки можно было бы прийти к выводу о необходимости органического внедрения в теорию права общетеоретических идей и концепций отдельных наук. Применительно к исследованию правосознания могли бы быть использованы достижения психологии и этнологии.

Далее, природа правосознания исследуется на основе понимания права как универ-

сальной характеристики человеческого бытия, способа бытия.

Положение носит философский и идеалистически крайний характер, устанавливающий постулат универсальности права.

Но является ли право настолько универсальным, имманентным человеку? Научное исследование не дало бы повода к такому однозначному высказыванию.

В-третьих, реализуется установка сделать правосознание не только предметом исследования, но и средством выражения правовой реальности, постижения природы и сущности права.

Данное положение на защиту сведено к извечной борьбе идеалистической философской концепции и материалистической. Идеализм утверждает мысль о первичности сознания, материализм — о первичности бытия. Правосознание предлагается признавать источником опыта, в том числе для правотворчества, то есть автор становится на идеалистическую позицию.

В научных исследованиях не ведется как таковая борьба относительно того, что первично, сознание или бытие. Оба феномена исследуются в рамках разных наук. Что касается психологии, то в зависимости от конкретной парадигмы делаются различные выводы относительно связи бытия и сознания, причем каждая из теорий имеет определенный эмпирический базис (исследования личностей и социальных групп).

В то же время в другом положении на защиту указывается, что содержание правосознания исчерпывается идеей права. Причем данное положение предположительно должно носить универсальный характер для каждого лица.

С позиции психологии такое положение не могло бы выдержать критики, поскольку в психике каждой отдельной личности происходят разные психические процессы, которые хотя и обобщены по категориям, тем не менее не являются единообразными для всех личностей.

Философские категории всеобщности и необходимости на практике оказываются неприменимыми, что заставляет юридическую науку искать параллельные философии пути развития.

Совмещение теории права с наукой психологией не является преимущественной или привилегированной методологией научного исследования правосознания, такое совмещение скорее отвечает современным ре-

⁴ Малахов В.П. Природа, содержание и логика правосознания : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2001. 502 с. РГБ ОД, 71:02-12/101-8.

алиям развития науки и общества в целом. Оно должно использоваться наряду с другими методами исследования, в том числе с ранее использовавшимися методами философии права.

Вышеуказанное описание актуальности представляет собой показательную отрицательную эвристику использования только философии права и теории права при исследовании правосознания.

Между тем для всякого исследования так или иначе необходима положительная эвристика как верифицируемый творческий процесс накопления знаний.

По мнению автора, такой творческий процесс должен, во-первых, опираться на современные научные тенденции и социальную реальность, быть междисциплинарным, во-вторых, творческий процесс должен быть, с одной стороны, достаточно абстрактным с целью формирования теоретических положений, которые могут служить предметом как последующей критики, так и подтверждения, с другой стороны, должен быть подтвержден конкретикой и потенциально сводим к конкретике. Такая конкретика как нельзя лучше обеспечивается отраслевыми юридическими науками, в особенности, по глубокому убеждению, автора, цивилистикой в силу ее высокого развития.

Конкретика в юридических науках представлена позитивным правом. Если можно так выразиться по отношению к гуманитарным наукам вообще, позитивное право представляет собой эмпирическое твердое научное ядро.

Термин «твердое ядро» используется постпозитивистом И. Лакатосом⁵. Постпозитивизм является новейшим направлением в философии и методологии науки и развивается уже в современных условиях функционирования общества. Суть постпозитивизма в целом в его критическом отношении к эпистемологическим учениям — учениям, доказывающим получение объективного знания из опыта.

Твердое ядро непоколебимо, постулаты, которые входят в него, не должны опровергаться до тех пор, пока не будет разрушен защитный пояс. Защитный пояс в свою очередь представляет собой множественность теорий, гипотез, подтверждающих эмпирический базис ядра, вытекающие из не-

го выводы и положения. Зачастую в науке попытки разрушения защитного пояса оборачиваются, напротив, его усилением за счет того, что сторонники определенной программы умело превращают контраргументы в аргументы в пользу своей научно-исследовательской программы. Пока сохраняется постоянный процесс накопления знаний и укрепления защитного пояса, перенос опровержений на твердое ядро недопустим, то есть научно-исследовательская программа продолжает существовать.

Но что можно признать тем самым твердым непоколебимым ядром всякого правового исследования? Можно ли таким эмпирическим ядром считать действующее положительно законодательство?

Представляется правильным указать, что законодательство в целом не может быть взято за основу, поскольку в нем не исключено появление «случайных» норм. Основой должны служить правовые понятия и явления, которые получили закрепление в праве и правовой доктрине, а также существование которых неоспоримо никем и признается юридическим научным сообществом.

Такие понятия крайне сложно найти в праве, однако все же они встречаются. В качестве примеров можно назвать понятия предмета, метода правового регулирования, отрасли права, правовой нормы и другие понятия, которые прочно закрепились в правовой науке на протяжении веков.

Вокруг данных понятий нарастает так называемый защитный пояс, который постоянно испытывает посягательства и опровержения. Для примера можно взять довольно распространенное в настоящее время следование доктрины определенному законодательству и формирование соответствующей доктрины с оглядкой на действующее законодательство. Сторонники данной теории доказывают, к примеру, что законодательство о банкротстве представляет собой качественно однородный массив правовых норм, которые подлежат изучению в рамках единого предмета, исследующего отрасль законодательства о банкротстве⁶. С другой стороны, можно выставить аргументы тех, кто разделяет законодательство о банкротстве на процессуальный блок норм и на материально-правовой блок норм, ссылаясь на то, что процессуальный блок норм должен исследоваться дисциплинами, изучающими

⁵ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. С. 80.

⁶ Телякина М.В. Основы конкурсного права. М.: Волтерс Клувер, 2004. 560 с.

гражданский и арбитражный процесс, а материально-правовые нормы — цивилистическими дисциплинами⁷.

При исследовании правосознания творческое познание должно основываться на тех же принципах. Исследовать необходимо сознание и психику вообще, причем в рамках психологии, а право должно получать исследования не просто как некоторая абстрактная сущность, существующая объективно, но и как конкретные правовые отрасли, институты, нормы.

Отличия в правосознании различных субъектов будут диктоваться психологией, ус-

танавливающей всевозможные типологии личностей и типов психики, но также будут иметься отличия и в различных объектах, то есть отраслях права, структурных правовых образованиях меньшего уровня и даже нормах права.

Связующими звеньями между различными субъектами и объектами будут выступать различные социальные и экономические факторы, исследовать которые в рамках одной монографии не представляется возможным, но само их наличие может послужить основанием для различных исследований правосознания и его функционирования в разных обществах, среди разных субъектов и различных правовых норм.

⁷ Попондопуло В.Ф. Предпринимательское право / под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1998. С. 77.

Литература

1. Ильин И.А. Проблема современного правосознания // Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954).
2. Малахов В.П. Природа, содержание и логика правосознания : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2001. 502 с. РГБ ОД, 71:02-12/101-8.
3. Кун Т. Логика и методология науки. Структура научных революций. М., 2004. 150 с.
4. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М. : Медиум, 1995.
5. Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М. : Волтерс Клувер, 2004. 560 с.
6. Попондопуло В.Ф. Предпринимательское право / под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1998.

Об изменении статуса советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

*Червякова Алла Александровна,
доцент кафедры исторических наук
и политологии Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ),
кандидат исторических наук
allach@yandex.ru*

Статья посвящена проблемам положения и правового статуса советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны. Автором рассматриваются основные аспекты политики, проводившейся немецким и советским политическим и военным руководством в отношении солдат и офицеров Красной Армии, оказавшихся в немецких лагерях военнопленных. Выявлены и проанализированы причины жестокого обращения в отношении советских военнопленных, а также нежелание советского политического руководства СССР признавать факт существования военнопленных бойцов Красной Армии.

Ключевые слова: коллаборационизм, советский военнопленный, перебежчик, предатель, международное право, статус военнопленного, Женевская конвенция, политический комиссар, Международный Красный Крест, большевизм, молниеносная война, окружение, оккупация, оккупационные власти, лагерь военнопленных.

Change of the Status of Soviet Prisoners of War during the Great Patriotic War of 1941–1945

Chervyakova Alla A.,
Assistant Professor of the Department of Historical Sciences
and Political Science of the Rostov State University of Economics (RSUE),
Candidate of Historical Sciences

The article is devoted to the problems of legal status of the Soviet prisoners of war during the great Patriotic war. The author discusses the main aspects of the policy pursued by the German and Soviet political and military leadership against the soldiers and officers of the red army, caught in the German POW camps. Identified and analyzed the reasons for the brutal treatment of Soviet prisoners of war, and the reluctance of the Soviet political leadership of the USSR to recognize the existence of prisoners of war red army soldiers.

Key words: Collaboration, Soviet prisoners of war, defector, traitor, international law, prisoner of war status, the Geneva Convention, political Commissar, the international red cross, Bolshevism, lightning war, the environment, the occupation, the occupying power, POW camp.

Война — это всегда тяжелое испытание. Целью любой войны является желание победить противника, подчас любой ценой. История мировых войн первой половины XX века является ярким тому примером. Тяжелым следствием ведения любых боевых действий является наличие военнопленных солдат и офицеров противоборствующих сторон.

Положение военнопленных зачастую определялось не только действующими международно-правовыми документами, но и волей высшего командного и политического руководства государств — участников вооруженных конфликтов.

Массовое применение удушающих газов в ходе Первой мировой войны стало основанием для подписания в 1929 г. Женевской Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях и Конвенции об обращении с военнопленными.

В ходе Второй мировой войны положения данных конвенций не соблюдались германской стороной в отношении советских военнопленных, несмотря на то, что в Германии Женевская конвенция с 1934 г. являлась имперским законом, обязательным к исполнению. В соответствии со статьями конвенции немецкие солдаты были обязаны защищать пленных от насилия, заботиться об их содержании, обеспечивать письменные контакты военнопленных с их семьями.

Применительно к советским военнопленным ни одно из этих положений не соблюдалось. С формально-юридической точки зрения это оправдывалось немецким руководством тем, что Советский Союз не подписал соглашения 1929 года. Тем самым

красноармейцы были поставлены вне закона, вне Женевской конвенции.

Основной причиной, по которой Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию в целом, было несогласие с разделением пленных по национальному признаку. 25 августа 1931 года нарком иностранных дел М.М. Литвинов заявил, что СССР присоединяется к одной из принятых в Женеве конвенций Международного Красного Креста от 27 июля 1929 года, и в частности — «Об улучшении участи раненых и больных военнопленных»¹.

В правительственной ноте 17 июля 1941 года, переданной Германии через Швецию, СССР заявил, что присоединяется к Гаагской конвенции, так же при условии взаимности. Однако эта нота была отклонена Германией². Позднее Советский Союз дважды, в ноте НКВД СССР от 25 ноября 1941 года и в ноте НКВД от 27 апреля 1942 года, заявлял о выполнении принципов Гаагской конвенции по отношению к германским военнопленным, в то же время обвиняя немецкую сторону в несоблюдении ее.

В то же время по вопросу обращения с пленными СССР не был готов соблюдать

¹ Существовавшие до сих пор правила отменяются // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 10.

² См., напр.: Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М.: Ин-т географии РАН, Ин-т по изуч. последствий войн им. Л. Больцмана, 1996. С. 45; Кузьминых А.А. Международно-правовое регулирование режима военного плена и интернирования во второй половине XIX — первой половине XX вв. // Военно-юридический журнал. 2014. № 9. С. 23.

Женевскую конвенцию, регулировавшую порядок обращения с пленными с точки зрения более полного соблюдения их правовых гарантий.

Накануне начала войны с Советским Союзом, в марте 1941 г., было проведено совещание высших немецких офицеров, на котором Гитлер заявил, что предстоящая война будет войной мировоззрений³. Комиссаров и партийных работников предусматривалось уничтожать на месте. Уже 6 июня последовало официальное распоряжение главного командования вермахта, которое предписывало немедленно расстреливать «политических комиссаров» после захвата их в плен⁴. Что касается остальных военнослужащих Красной Армии, то Гитлер на совещании в своей ставке 16 июля 1941 г. призывал не рассматривать их как солдат-фронтовиков и добиваться полного и беспощадного уничтожения всех военнопленных⁵.

8 сентября 1941 года был подписан так называемый «Приказ о комиссарах», по которому объявлялось, что: «...большевизм — смертельный враг национал-социалистической Германии. Вперые перед немецким солдатом стоит противник, обученный не только в солдатском, но и политическом смысле в духе большевизма. Борьба против национал-социализма вошла ему в плоть и кровь. Он ведет ее, используя любые средства: саботаж, подрывную пропаганду, поджог, убийство. Поэтому большевистский солдат потерял право на обращение с ним, как с истинным солдатом по Женевскому соглашению»⁶.

Нацистское руководство было уверено в своей скорой победе, поэтому вопросы, связанные с содержанием военнопленных, рассматривались им поверхностно. Определенную роль играли и политические установки немецкого руководства, считавшего всякого советского солдата «носителем большевизма».

Бесчеловечное отношение к советским военнопленным обуславливалось планами «молниеносной войны». Но после провала этой стратегии возникла потребность в дополнительной рабочей силе. В связи с этим наблюдались некоторые изменения в отношении к пленным. В частности, были выпущены директивы ОКХ от 7 и 16 марта 1942 г., а также директива ОКВ от 24 марта, в которых был изложен ряд мер, направленных на постепенное изменение условий жизни советских военнопленных⁷.

По мере наступления немецкой армии на территорию СССР «...офицеры в штабах и департаментах третьего рейха начали задумываться о том, что в борьбе не на жизнь, а на смерть, в которую Германия втянула себя на Востоке, ей не обойтись без помощи тех самых народов, которые в случае германской победы обрекались на голодную смерть или депортацию»⁸.

Даже Геббельс считал, что немцы могли бы уменьшить угрозу со стороны партизан, если бы завоевали доверие народа. Позже он говорил, что правильнее было бы вести войну против большевизма, чем против русского народа. И делать это необходимо более мягко, убеждая как пленных, так и жителей оккупированных районов в порочности и зыбкости советской системы, например, с помощью листовок⁹.

Необходимо отметить, что данный факт (добровольное или принудительное сотрудничество с врагом) советскими органами пропаганды всячески замалчивался. Более того, заявление И.В. Сталина о том, что в СССР нет пленных, а есть изменники Родины, имело следствием, в частности, неподписание международной Женевской конвенции от 27 июля 1929 г.¹⁰ По законам военного времени солдат Красной Армии не имел права сдаваться в плен. Яркий тому пример — приказ Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 года¹¹.

³ Война 1941–1945. Факты и документы / под ред. О.А. Ржешевского. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 224.

⁴ Россия. XX век: 1941 год. Кн. 2. М., 2003. С. 325.

⁵ Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998–1999. Кн. 4. С. 173.

⁶ Советские военнопленные до весны 1942 г. // Война Германии против Советского Союза, 1941–1945: Документальная экспозиция [города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз: каталог выставки] / Рейнгард Юруп. 2-е изд. М. : Б/и; Берлин : Б/и: 1994. С. 138.

⁷ Хоффманн И. История Власовской армии. Париж, 1990. С. 115.

⁸ Кирсанов Н., Дробязко С. Великая Отечественная война 1941–1945 гг... // Отечественная история. 2001. № 6. С. 66.

⁹ Ржевская Е.М. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 103.

¹⁰ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996. С. 19–20.

¹¹ См., напр.: Россия XX век. Документы и материалы. В 2 кн. Кн. 1 / под ред. А.Б. Безбородова. М. : Высшая школа, 2004. С. 346.

Согласно данному приказу каждая советская часть, оказавшаяся в окружении, обязана была «драться до последней возможности» (необходимо отметить, что в германской армии существовал приказ «Бороться до последнего патрона»)¹². Военнослужащих при попытке сдать в плен предписывалось «уничтожать всеми средствами, как наземными, так и воздушными», семьи сдавшихся в плен лишать государственного пособия и помощи. 24 июня 1942 года Государственный Комитет Обороны конкретизировал этот приказ своим постановлением. В соответствии с ним аресту и ссылке на срок до 5 лет подлежали отец, мать, жена, сыновья, дочери и сестры «изменников», если они вместе жили до начала войны¹³.

Даже в советской прессе информация о военнопленных подавалась в очень сжатом виде, как констатация факта, что есть отдельные группы попавших в плен солдат и офицеров Красной Армии. В сообщениях Совинформбюро звучали слова о том, что немецкая пропаганда многократно завышает цифры потерь Красной Армии: «...Немецкая пропаганда называет такие фантастические цифры наших потерь... 5 миллионов солдат, из них более миллиона пленных... В ожесточенных и непрерывных двухмесячных боях Красная Армия потеряла убитыми 150 тысяч, ранеными 440 тысяч, пропавшими без вести 110 тысяч человек, всего 700 тысяч»¹⁴.

Более того, по данным советских органов пропаганды большое количество советских военнопленных было обусловлено тем, что «...гитлеровцы систематически объявляют военнопленными все взрослое население занятых немцами советских сел и городов, угоняемое в тыл или насильно мобилизованное ими на разные тяжелые работы»¹⁵.

Не считая мирных граждан, оказавшихся в оккупации, количество советских военнопленных составляло несколько миллионов человек. Так, по данным немецкого историка Убершара, к 1 января 1945 года в плену продолжало находиться 930 287 человек; 500 000 пленных бежали из лагерей или были освобождены советскими войсками к февралю 1945 г.; 3,3 миллиона человек погибли в ре-

зультате фашистского террора. Около 2 миллионов человек погибло весной 1942 года»¹⁶.

Историк С.И. Дробязко приводит следующие данные: «По состоянию на 1 марта 1942 г. находилось в лагерях ОКВ и ОКХ, а также было задействовано в военной экономике Рейха 1.130.132 военнопленных. Свыше 2 млн. советских военнопленных были убиты или умерли от голода и болезней»¹⁷.

Многие из этих людей предпочитали гибель на поле боя сдаче в фашистский плен, а также дальнейшему сотрудничеству с врагом. И даже попадая в плен, большинство солдат и офицеров Красной Армии оставались верными воинской присяге.

В советском праве отсутствовал термин «коллаборационист». В официальных документах, прессе и историографии обычно использовались понятия «предатель», «изменник Родины», «пособник оккупантов». Однако в западной историографии жителей СССР, сотрудничавших с немцами в годы Второй мировой войны, называли именно «коллаборационистами».

Преступления коллаборационистов попадали под действие норм советского уголовного законодательства. По своему характеру они сразу же были отнесены к особо опасным государственным преступлениям. Такие дела появились в практике советских судебных органов уже в первые месяцы войны.

Согласно приказу Прокурора СССР «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом» от 15 мая 1942 г. советские граждане, перешедшие на службу к оккупантам, участвовавшие в деятельности карательных органов немцев, подлежали ответственности по ст. 58-1/а УК РСФСР.

Указом от 19 апреля 1943 г. подобные лица окончательно были причислены к субъектам ответственности за военные преступления: за совершение убийств и истязаний гражданского населения, согласно его ст. 1 «они подлежали преследованию наравне с гитлеровцами»¹⁸.

¹² РГВА Ф. 3. Оп. 5. Д. 5. Л. 64 (об.)

¹³ Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998–1999. Кн. 4. С. 171.

¹⁴ ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 49. Л. 1.

¹⁵ Газета «Молот». 1942. 3 января.

¹⁶ Ueberschar G. / Wette W. «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Paderborn. 1984. S. 198.

¹⁷ Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941–1945 гг.). Вып. 1 / под общ. ред. А.В. Окорокова. М.: Грааль, 1997. С. 36.

¹⁸ Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Вел. Новгород: НовГУ им. Я. Мудрого, 2009. С. 8–9.

Таким образом, красноармейцы, попавшие в плен, становились фактически вне закона. С одной стороны, в отношении них действовали приказы и директивы советского командования, фактически приравнявшие сдачу в плен к предательству. С другой стороны, советские органы пропаганды всячески пытались настроить общественное мнение таким образом, чтобы бойцам на фронте и населению в тылу и на оккупированных территориях было понятно, что сдача в плен является актом предательства Родины. В прессе публиковались «письма» на фронт: «...разве могут быть иными воины Красной Армии, когда они получают такие письма от старых своих матерей: «...Пусть мой сын никогда не попадает в плен, лучше убей одного паразита, а потом самого себя», — пишет красноармейцу Василию Чудинскому его мать»¹⁹.

Оказывалось психологическое давление на красноармейцев и со стороны органов нацистской пропаганды. Советский боец, оказавшийся в немецком плену, кроме огромного физического напряжения, голода и холода, испытывал на себе еще и колоссальное давление антисоветской пропаганды²⁰. Немцы «...догадались оповестить пленных о том, что свои же власти бросили их на милость врага. Уведомили немцы пленных и о том, что советское правительство промолчало на предложение наладить получение продовольственных посылок и обмен письмами с близкими»²¹.

Более того, после провала плана «молниеносной войны» немцы ввели подразделение военнопленных на собственно военнопленных и перебежчиков. Связано это было с тем, что условия содержания обычного пленного несколько отличались от условий жизни тех, кто добровольно переходил на сторону немцев. Так, по инструкции немецких властей: «...военнопленным считается тот из воинов Красной Армии, который во время военной операции или в тылу немецкого фронта взят в плен силой или же сам сдался... если советский солдат приходит к нам из райо-

на, еще занятого большевиками, он является перебежчиком»²².

Положение перебежчиков-военнопленных менялось согласно приказу № 13 Верховного командования Германской армии от 21 апреля 1943 года «О военнослужащих Красной Армии, добровольно переходящих на сторону германской армии». В нем, в частности, говорилось:

1. Каждого военнослужащего Красной армии, покинувшего свою часть и самостоятельно являющегося к нам, считать не военнопленным, а добровольно перешедшим на сторону Германской армии.

2. Добровольно перешедших немедленно отделять от военнопленных и размещать по возможности в отдельных благоустроенных помещениях.

3. Каждому добровольно перешедшему на основании имеющихся у него документов или нашего «пропуска» выдавать особое удостоверение.

4. Добровольно перешедшим оказывать предпочтение при расквартировании.

5. Добровольно перешедших обеспечивать довольствием наравне с добровольцами РОА²³.

Таким образом, изменения в положении советских военнопленных в сторону более человеческого отношения со стороны немцев были связаны в первую очередь с поражениями немецко-фашистских войск на фронтах восточного направления.

Советское руководство до конца войны фактически не признало наличие даже такого понятия как «советский военнопленный». Все попавшие или сдавшиеся в плен красноармейцы фактически приравнивались к предателям Родины.

Трагедия советских военнопленных заключалась именно в том, что фактические действия фашистского руководства, приводившие к нарушению норм международного законодательства в отношении пленных, а также бездействие советского политического руководства привели к массовому уничтожению огромного количества попавших в плен солдат и офицеров Красной Армии.

¹⁹ ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3. Л. 73.

²⁰ Война 1941–1945. Факты и документы / под ред. О.А. Ржешевского. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 231.

²¹ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 1097. Л. 17.

²² ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 78. Л. 27. Газета «Новое слово».

²³ ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 78. Л. 109.

Литература

1. Газета «Молот». 1942. 3 января.
2. ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 1097. Л. 17.

3. РГВА Ф. 3. Оп. 5. Д. 5. Л. 64 (об.)
4. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 49. Л. 1.
5. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3. Л. 73.
6. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 78. Л. 27. Газета «Новое слово».
7. ЦДНИРО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 78. Л. 109.
8. Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998–1999. Кн. 4.
9. Война 1941–1945. Факты и документы / под ред. О.А. Ржешевского. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
10. Кирсанов Н., Дробязко С. Великая Отечественная война 1941–1945 гг... // Отечественная история. 2001. № 6.
11. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Вел. Новгород : НовГУ им. Я. Мудрого, 2009.
12. Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996.
13. Кузьминых А.Л. Международно-правовое регулирование режима военного плена и интернирования во второй половине XIX — первой половине XX вв. // Военно-юридический журнал. 2014. № 9. С. 23.
14. Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941–1945 гг.). Вып. 1 / под общ. ред. А.В. О कोरोкова. М. : Грааль, 1997.
15. Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М. : Ин-т географии РАН, Ин-т по изуч. последствий войн им. Л. Больцмана, 1996.
16. Ржевская Е.М. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 103.
17. Россия. XX век. Документы и материалы. В 2 кн. Кн. 1 / под ред. А.Б. Безбородова. М. : Высшая школа, 2004.
18. Россия. XX век: 1941 год. Кн. 2. М., 2003. С. 325.
19. Советские военнопленные до весны 1942 г. // Война Германии против Советского Союза, 1941–1945: Документальная экспозиция [города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз: каталог выставки] / Рейнгард Рюруп. 2-е изд. Москва : Б/и; Берлин : Б/и, 1994.
20. Существовавшие до сих пор правила отменяются // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 10.
21. Хоффманн И. История Власовской армии. Париж, 1990.
22. Ueberschar G. / Wette W. «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Paderborn. 1984.

О генезисе ст. 150 УК РФ

*Попов Дмитрий Владимирович,
аспирант кафедры уголовного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
d_popov@bk.ru*

В работе приводится ретроспективный взгляд на появление и дальнейшую эволюцию уголовно-правовой нормы о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), сопряженном с применением к потерпевшему насилия, в отечественном законодательстве в период начала XI — конца XX в.

Ключевые слова: вовлечение в совершение преступления, насилие, несовершеннолетний, эволюция уголовно-правовой нормы, отечественное уголовное законодательство начала XI — конца XX в.

Genesis of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation

*Popov Dmitry V,
Postgraduate Student of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

The paper provides a retrospective look at the emergence and further evolution of the criminal law of the minor's involvement in the commission of a crime (Article 150 of the Criminal Code.), paired with the use of a victim of violence in the national legislation in the beginning of XI — the end of XX century.

Key words: *involvement in crime, violence, juvenile, the evolution of criminal law, domestic criminal law beginning XI — the end of XX century.*

Исследователями древнейших памятников права доказано, что на начальном этапе образования Древнерусского государства основным регулятором общественных связей у восточных славян выступали древние обычаи (обычное право), которые в последующем находили свое закрепление в княжеских грамотах и уставах.

Первым юридическим документом, который включил в себя обычаи родового строя восточных славян, а также обобщил отдельные законы, принимавшиеся князьями, является памятник права начала XI — середины XII в. — Русская Правда.

Данный памятник права, наряду с существовавшим на тот период церковным законодательством, представлял собой и первый светский акт, включавший в себя нормы как гражданского, так и уголовного характера.

Наряду с Русской Правдой, светским актом, как нами уже было отмечено, существовало и церковное законодательство.

До наших дней дошел Устав князя Ярослава, отдельные положения которого представляют интерес для нашего исследования.

Так, в частности, в статье 1 Устава Ярослава мы читаем: «Аже кто умчит девку или насилить, аже боярская дчи, за срам ей 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота...»¹. Далее в статье 22 находим следующее предписание: «Аже девка не всхочеть замуж, а отец и мати силою дадут, а что створить над собою, отец и мати епископу в вине, а истор им латити; тако же и отрок»².

В первом случае речь шла об ответственности за насильственное похищение девушки с целью заключения брака.

Во втором устанавливалось наказание родителям, силой принуждавших детей к вступлению в брак против их воли, если последние в результате этого покушались на самоубийство.

Как видим, Устав князя Ярослава оперирует терминами «насилить», «силою».

Данное обстоятельство позволяет предположить, что подобным образом в церковном законодательстве в обобщенной форме описывались насильственные действия, применяемые к вышеуказанным лицам.

Таким образом, мы наблюдаем схожие черты в правовых предписаниях, содержащихся в церковном законодательстве XI века, и ныне действующих нормах Уголовного кодекса РФ, в которых термин «насилие» используется как общее понятие для случаев применения виновным к потерпевшему насильственных действий.

Анализ содержания упомянутых статей Устава князя Ярослава дает нам основание также констатировать, что достижение таких целей виновными лицами, как заключение брака и вступление в брак, происходит против воли самого потерпевшего посредством применения к нему насилия.

Такие же признаки в действиях виновного лица мы находим в преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 150 УК РФ, выполняя объективную сторону которого, субъект преступления, при достижении своей цели, действует против воли несовершеннолетнего потерпевшего, применяя при этом к нему насилие.

Но, несмотря на существование приведенных выше запретов, по верному наблюдению В.В. Мальцева, «законодатель не признавал ребенка самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, а нормы, его защищавшие, как правило, в качестве основного социального назначения имели охрану иных интересов и ценностей»³, а именно имущественных интересов детей в семейных и наследственных отношениях⁴.

Безусловно, этот подход не способствовал закреплению в Русской Правде норм, направленных на охрану телесной и психической неприкосновенности детей от совершения в отношении них каких-либо уголовно наказуемых деяний.

Следующими наиболее значимыми после Русской Правды законодательными актами, содержащими в себе уголовно-правовые нормы, были Судебники 1497 г., 1550 г., 1589 г. и Сводный Судебник 1606–1607 годов.

Изучение Судебников показало, что законодательство конца XV — начала XVI в. еще не содержало специальных уголовно-правовых предписаний, направленных на охрану телесной и психической неприкос-

¹ Памятники русского права. Выпуск первый. М., 1952. С. 259.

² Там же. С. 261.

³ Мальцев В.В. Введение в уголовное право. Волгоград, 2000. С. 47.

⁴ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. М., 1984. С. 47.

новенности детей от преступных посягательств, в том числе совершаемых посредством применения насилия как со стороны третьих лиц, так и со стороны родителей.

Общегосударственным законодательным актом, последовавшим за Судебниками, стало Соборное Уложение 1649 года.

По существу это был универсальный гражданско-уголовный (одновременно материальный и процессуальный кодекс)⁵.

Именно в данном памятнике права впервые вводится ответственность за «научение» в совершении преступления. «А будет кто над кем учинить смертное убийство по чьему научению, а сыщется про то допряма: и того, кто на смертное убийство научал, и кто убил, обеих казните смертию же» — говорится в ст. 19 Закона⁶.

Таким образом, ст. 19 устанавливала наказание как лицу, совершившему убийство, так и лицу, вовлекшему, склонившему его на совершение данного преступления.

О применении наказания к лицу за «научение» говорится также в ст. 12: «А будет такое наругательство ... над кем учинит чей-нибудь человек... по научению того, кому он служит, или по чьему-нибудь научению... бити их кнутом по торгом и вкинуть их в тюрьму всех на месяц...»⁷.

Безусловно, правовая конструкция приведенных норм в сравнении, например, со ст. 150 Уголовного кодекса РФ, в которой предусмотрена ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, проста и лишена ряда существенных моментов, в то же время правовая мысль и смысл — установить наказуемость действий вовлекающего лица — определено совпадают.

Подводя итог исследованию Соборного Уложения 1649 г., можно заключить, что оно явилось новым значимым шагом законодателя в сфере уголовно-правовой защиты интересов детей.

В период царствования Петра I был принят ряд новых законодательных актов, которые содержали нормы уголовного права. Речь идет об Артикуле Воинском 1715 го-

да и Морском Уставе 1720 г., действовавших наряду с основным общероссийским законом — Соборным Уложением 1649 года.

Нововведением в сфере уголовно-правовой охраны прав личности следует считать тот факт, что законодательство Петра I значительно сузило область деяний, относимых к ведению церковных судов, что соответствовало общей линии Петра I на ограничение компетенции церкви в общегосударственных делах⁸.

С проводимыми законодательными преобразованиями, полагаем, связано появление уголовно наказуемых норм, направленных на защиту телесной и психической неприкосновенности несовершеннолетних.

Так, в артикуле 166 особо устанавливалась ответственность за совершение обратных действий в отношении ребенка, совершенных с применением насилия: «Ежели кто отрока осквернит имеют быть наказаны. Ежели же насильством то учинено, тогда смертию или вечно на галеру ссылкой наказать»⁹.

Отмечая, что законодательные акты Петра I продолжили заложенную в Соборном Уложении 1649 года тенденцию по защите детей от преступных посягательств, в то же время следует констатировать, что в них не нашли своего развития специальные нормы об ответственности за вовлечение детей в совершение уголовно наказуемых деяний.

Но это не умаляет того факта, что государство в тот исторический период самым серьезным образом обратило внимание как на охрану жизни и здоровья детей, так и на психическое их воспитание, встав на защиту этих интересов.

В 1845 г. был принят крупный кодифицированный акт — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, где в ст. 1587 Главы первой «О преступлениях против союза брачного» Раздела одиннадцатого «О преступлениях против прав семейственных» сохранилось следующее положение: «Родители, через употребление во зло своей власти, или посредством преступных внушений, вовлекшие умышленно несовершеннолетних детей своих в какое-либо преступление, подвергаются за сие, хотя бы они сами в том преступлении непосредственного уча-

⁵ Упоров И., Чорный В. Виды уголовных наказаний и порядок их исполнения, установленные в первых кодифицированных нормативных актах России. Лекция по курсу «Уголовно-исполнительное» право. Рязань, 1998. С. 17.

⁶ Соборное Уложение Царя Алексея Михайловича 1649 г. М., 1907. С. 186.

⁷ Там же. С. 185.

⁸ Памятники Русского права. Выпуск восьмой. Законодательные акты Петра I. М., 1961. С. 269.

⁹ Воинские Артикулы Петра I. Материалы по изучению истории государства и права СССР. М., 1960. С. 40.

ствия не принимали: высшей мере наказаний или взысканий, за то преступление в законе определенных»¹⁰.

Аналогичная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, только на этот раз не родителей, а опекунов, была установлена в ст. 1600 данного законодательного акта¹¹.

Из приведенных правовых положений следует, что уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних детей подлежали родители и опекуны.

В то же время, обратившись к ст. 143, находящейся в Главе третьей «Об определении наказаний по преступлениям» Раздела первого «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще», мы читаем следующее: «Когда доказано, что несовершеннолетний вовлечен в преступление другим совершеннолетним, то следующее ему наказание может, по усмотрению суда, быть уменьшено одною или двумя степенями»¹².

Следовательно, по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных наказуемым считалось не только вовлечение несовершеннолетних, совершенное родителями или опекунами, но и третьими лицами. Правда, какой-либо специальной уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность третьих лиц, по подобию ст. 1587, 1600, нам не встретилось.

Преемственность правовых положений, направленных как на защиту половой неприкосновенности несовершеннолетних, так и на защиту от вовлечения последних в совершение преступлений и антиобщественных деяний, нашла свое отражение в следующем кодифицированном акте, принятом в начале XX века, — Уголовном Уложении 1903 г.

Безусловно, заслуживает отдельного внимания и ст. 447, согласно которой «виновный в покушении принудить посредством насилия, угроз, злоупотребления родительской или опекунской властью, к совершению проступка или преступления», если противоправное деяние последовало, наказывается заключением в тюрьму или исправительный дом. Как видим, здесь законодателем впервые в качестве способов принуждения к со-

вершению преступления, наряду со злоупотреблением родительской или опекунской властью, называются «насилие» и «угроза». Кроме этого, указание на злоупотребление родительской или опекунской властью дает основания сделать вывод, что вовлекаемым могло быть и несовершеннолетнее лицо.

По конструктивным признакам ст. 447 с определенной степенью условности, как мы полагаем, можно считать прообразом ныне действующей ст. 150 УК РФ.

Сходство между данными правовыми нормами наблюдается и в том, что в качестве способа совершения преступления, ответственность за которое ими установлена, выступает «насилие» и «угроза».

Данным правовым актом подводится черта в эволюции уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления посредством применения к нему насилия, в отечественном уголовном законодательстве дореволюционного периода.

После Октябрьской революции советская власть взяла курс на создание собственного социалистического законодательства, в том числе и уголовного.

Одним из важных направлений деятельности вновь образованного правительства — Совета народных комиссаров — были мероприятия в области борьбы с преступностью несовершеннолетних, а также охраны их прав и защиты интересов.

В частности, постановлением НК просвещения, здравоохранения и юстиции РСФСР была утверждена Инструкция комиссии по делам несовершеннолетних, в ст. 14 которой указывалось на необходимость «...привлекать к судебной ответственности взрослых с немедленной передачей дел о них в народные суды: а) за подстрекательство и склонение несовершеннолетних и малолетних к совершению общественно-опасных действий...»¹³.

Таким образом, уже в первые годы своего образования советское правительство обратило внимание на проблему вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений.

В Руководящих началах по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. 1919 г. уголовно-правовая

¹⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. Составленное профессором С.-Петербургского университета Н.С. Таганцевым. Санкт Петербург, 1876. С. 609.

¹¹ Там же. С. 614.

¹² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. Санкт Петербург, 1876. С. 83.

¹³ Сперанский К.К. Уголовно-правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних и против несовершеннолетних. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1991. С. 73.

регламентация преступлений против семьи и несовершеннолетних не получила своего отражения.

Первый Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р., принятый Постановлением ВЦИК №153 от 1 июня 1922 г. специального состава преступления, аналогичного ст. 150 УК РФ, не содержал.

Введенный в действие Постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р.¹⁴ также не содержал специальных правовых норм, вводящих уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления.

Однако ВЦИК и СНК РСФСР своим постановлением от 25 ноября 1935 г. дополнили Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. 1926 г. ст. 73 (2), установив тем самым уголовную ответственность за подстрекательство несовершеннолетних или привлечение их к участию в различных преступлениях¹⁵.

Появление ст. 73 (2) в Уголовном кодексе Р.С.Ф.С.Р. 1926 г. имеет важное историческое значение, поскольку впервые в уголовном законодательстве как дореволюционного, так и советского периодов законодательно закреплялась норма, непосредственно ориентированная на уголовно-правовую охрану несовершеннолетних от вовлечения в совершение преступлений.

Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1960 г. отказался от формулировок, используемых в ст. 73 (2) УК 1926 г., и предложил более общее определение данного состава, изложив его в ст. 210.

Согласно указанной статье уголовная ответственность устанавливалась за: «Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, в занятие попрошайничеством, проституцией, азартными играми, а равно использование несовершеннолетних для целей паразитического существования».

Отсутствие в действовавшем на тот момент уголовном законодательстве научно обоснованного понятия вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность вызывало немалые трудности как в теоретическом плане, так и в применении указанной нормы на практике.

На данное обстоятельство нередко обращалось внимание на страницах периоди-

ческой юридической литературы того времени¹⁶.

Пытаясь восполнить пробелы, связанные с толкованием и применением ст. 210 Уголовного кодекса РСФСР, Пленум Верховного Суда СССР вынес ряд постановлений¹⁷.

Высшая судебная инстанция, восполняя законодательный пробел диспозиции ст. 210 УК РСФСР, в своих разъяснениях указывала на различные способы, посредством которых несовершеннолетний вовлекается в совершение преступления, в том числе называя среди них физическое и психическое насилие.

В последующем, в связи с принятием Уголовного кодекса РФ 1996 г., указание на способы вовлечения несовершеннолетнего получили свое законодательное закрепление в ст. 150 УК РФ.

В ходе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Первое. В законодательных актах начала XI — конца XVI в. наблюдается процесс формирования правовых предписаний, устанавливающих уголовную ответственность за совершение насильственных посягательств в отношении несовершеннолетних.

Второе. В период с середины XVII до начала XX в. принимаются специальные нормы, направленные на охрану интересов несовершеннолетних от вовлечения несовершеннолетних детей родителями и опекунами в какое-либо преступление (ст. 1587 и ст. 1600 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.).

Принципиально новым было и то, что в качестве способа совершения отдельных преступлений, посягающих на интересы несовершеннолетних, законодателем называется «насилие».

¹⁶ Гуськов Н., Иванов В. За действенную борьбу с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность // Социалистическая законность. 1967. № 2. С. 28–29; Миньковский Г., Каневский А. Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность — важное направление профилактической работы // Советская юстиция. 1967. № 18. С. 21.

¹⁷ Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1973. М.: Издательство «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1974. С. 562; Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1977. Часть 2. М.: Издательство «Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1978. С. 302; Бюллетень Верховного суда СССР. 1987. № 1. С. 20–21.

¹⁴ СУ. 1926. № 80, ст. 600.

¹⁵ СУ РСФСР. 1936. № 1, ст. 1.

Таким образом, в обозначенный нами период были разработаны и на законодательном уровне закреплены уголовно-правовые нормы, которые явились прообразом ныне действующей ст. 150 УК РФ.

Третье. На раннем этапе становления уголовного законодательства, после Октябрьской революции 1917 г., первое правовое предписание о привлечении к ответственности взрослых за подстрекательство и склонение несовершеннолетних к совершению преступлений было закреплено в ст. 14 Инструкции комиссии по делам несовершеннолетних, утвержденной НК просвещения, здравоохранения и юстиции РСФСР.

В 1935 г. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. был дополнен статьей 73², устанавливающей уголовную ответственность за подстрека-

тельство несовершеннолетних или привлечение их к участию в различных преступлениях.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. изложил в ст. 210 более общее определение данного состава. В таком виде указанная норма с некоторыми изменениями, вносимыми в нее в 1965 и 1974 годах, просуществовала вплоть до принятия Уголовного кодекса 1996 г.

Как видим, существующая в нынешнем уголовном законодательстве норма ст. 150 УК РФ возникла не на пустом месте. В отечественном уголовном законодательстве эволюции этой нормы свойственно движение от появления правовых установлений по отдельным аспектам защиты несовершеннолетних нормами общего характера до создания специальных норм в УК РСФСР 1960 г. и затем в УК РФ 1996 г.

Литература

1. Бюллетень Верховного суда СССР. 1987. № 1. С. 20–21.
2. СУ. 1922. № 15, ст. 153.
3. СУ. 1926. № 80, ст. 600.
4. СУ РСФСР. 1936. № 1, ст. 1.
5. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1973. М. : Издательство «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1974. С. 562.
6. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1977. Часть 2. М. : Издательство «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1978. С. 302.
7. Воинские Артикулы Петра I. Материалы по изучению истории государства и права СССР. М., 1960. С. 40.
8. Гуськов Н., Иванов В. За действенную борьбу с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность // Социалистическая законность. 1967. № 2. С. 28–29.
9. Мальцев В.В. Введение в уголовное право. Волгоград, 2000. С. 47.
10. Миньковский Г., Каневский А. Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность — важное направление профилактической работы // Советская юстиция. 1967. № 18. С. 21.
11. Памятники Русского права. Выпуск первый. М., 1952. С. 259.
12. Памятники Русского права. Выпуск восьмой. Законодательные акты Петра I. М., 1961. С. 269.
13. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. М., 1984. С. 47.
14. Соборное Уложение Царя Алексея Михайловича 1649 г. М., 1907. С. 186.
15. Сперанский К.К. Уголовно-правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних и против несовершеннолетних. Ростов н/Д : Издательство Ростовского университета, 1991. С. 73.
16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года. Санкт Петербург, 1876. С. 83.
17. Упоров И., Чорный В. Виды уголовных наказаний и порядок их исполнения, установленные в первых кодифицированных нормативных актах России. Лекция по курсу «Уголовно-исполнительное право». Рязань, 1998. С. 17.

Черный рынок в нацистской Германии в годы Второй мировой войны

Зимин Илья Андреевич,
 юрист
 newme254@gmail.com

В статье описывается состояние черного рынка в Германии в годы Второй мировой войны (1939–1945), а также весь спектр реакций государства на его деятельность.

Ключевые слова: нацистская Германия, черный рынок, Вторая мировая война, теневая экономика, рacionamento.

Black Market in Nazi Germany during the Second World War

Zimin Ilya A.,
 Lawyer

The article describes the state of the black market in Germany during the Second world war (1939–1945), and the range of reactions of state on its activities.

Key words: Nazi Germany, black market, Second World war, shadow economy, rationing.

Существует не вполне корректный стереотип, согласно которому жизнь гражданского населения Германии во время Второй мировой войны была если не зажиточной, то близкой к тому. Реальность, конечно же, не столь однозначна и зависит от того, с чем и с кем ее сравнивать.

Так, положение населения в воюющем СССР или оккупированной немцами Восточной Европе было значительно более тяжелым, а в странах Запада — Великобритании, а тем более Канаде и США — качество жизни людей оставалось на значительно более высоком уровне, чем у их современников-немцев. Не следует забывать и о том, что германское общество в 1939–1945 годах оставалось разделенным на социальные классы. Нацистский режим и война добавили к этому разделению появление новых групп населения, как страдавших от притеснений вплоть до уничтожения или получавших снабжение необходимыми товарами по пониженным нормам и остаточному принципу — вынужденных скрываться евреев, диссидентов, оппонировавших режиму, людей с запятнанной (согласно извращенной логике нацистов, конечно) репутацией или «неправильного» происхождения («рейнландские бастарды» и прочие пропагандистские клише), военнопленных, иностранных рабочих; так и получавших от государства привилегированное снабжение и лучшие условия — непосредственно нацистскую элиту, Вермахт, карательный аппарат, рабочих тяжелой промышленности

и лиц, деятельность которых признавалась важной для ведения войны. Однако миф о достатке «среднего немца» все же следует признать ложным: ему противоречат многие исторические факты, например, хотя бы то, что у узников концентрационных лагерей перед их убийством изымались для последующей отправки в Германию не только золото и ценности, но и носильная одежда и обувь.

Продовольственные карточки были введены в Германии в августе 1939 года, незадолго до нападения на Польшу и начала Второй мировой войны. Одновременно на 50% был повышен подоходный налог. Население отнеслось к этому шагу достаточно сочувственно — во многом потому, что изначально нормы отпуска необходимых благ и особенно продовольствия оставались довольно высокими, что имело для нацистской верхушки важное политическое и пропагандистское значение. Затем, после краткого периода относительного благоденствия, вызванного началом поставок сельскохозяйственной продукции из Дании, Нидерландов, Бельгии и других европейских стран, оккупированных нацистами, продовольственная ситуация постоянно ухудшалась, продолжительность рабочего дня увеличивалась и вскоре достигла 12 часов в день¹, часть зарплаты

¹ Быт в Германии в 1944 году. Интервью историка К. Залесского для программы «Цена победы» на радио «Эхо Москвы» // URL: echo.msk.ru/programs/victory/619613-echo. Вышло в эфир 14 сентября 2009 года.

работники получали облигациями², а недостаток населения росло параллельно просачиванию с фронтов информации о реальном ходе войны. К середине 1944 года, когда уже даже ведомство Геббельса не могло скрыть от гражданских лиц состоявшийся поворот к худшему, а бомбардировки союзников вошли в повседневность рядовых немцев, положение с продовольствием стало откровенно неблагополучным, а о довоенных нормах потребления населению оставалось только вспоминать. В первую очередь снабжалась армия, гражданские же получали то, что осталось.

Ухудшалось и качество продуктов, недостаток которых промышленность пыталась компенсировать вводом на рынок суррогатов. Дефицит власти старались сгладить махинациями с калорийностью рационов, заменой исчезнувших пищевых продуктов на другие путем временного увеличения норм их отпуска, а также мерами пропагандистского характера. Например, вслед за исчезновением пива в продаже появилось много вина из оккупированной Франции, устрицы из того же источника можно было купить свободно, а не по карточкам, мороженое оставалось в продаже до конца войны, молочные продукты долго не подвергались нормированию, а заведения общепита функционировали в массе своей до середины 1944 года — пока их не доконал сначала кадровый голод из-за мобилизации сотрудников на фронт, а затем и продуктовый дефицит. Модные журналы продолжали выходить ограниченными тиражами даже весной 1945-го, однако их читательницы все чаще видели там лишь советы о том, как перешить старую одежду в условиях настоящего текстильного голода, и не могли достать женской косметики и прочих изделий легкой промышленности. 1944 год стал переломным для снабжения населения Германии потребительскими товарами³. Причинами стали и военные неудачи, начавшие к этому времени сказываться на жизни в глубоком (впрочем, с каждым месяцем все менее

и менее глубоком) тылу, и бомбардировки союзников, и, как ни странно, окончательно произошедший только к этому времени переход экономики Третьего Рейха на военные рельсы.

Черный рынок как явление, актуальное для широких слоев общества, появился в Германии в 1942–1943 годах и к этому моменту процветал, снабжая в конце войны дефицитными товарами тех, кто мог позволить себе приобрести их по завышенным ценам за деньги либо по принципу бартерного обмена. Огромным дефицитом был кофе. Даже его пересылка была запрещена, а хороший можно было купить только нелегально. Также на черном рынке активно торговали табаком и сигаретами, курение которых государство не одобряло и пыталось ограничить, но было вынуждено терпеть и так и не запретило полностью, сначала из-за высоких доходов от деятельности табачных компаний⁴, декларирующих свою преданность режиму, а затем по причине войны и потребностей солдат на фронте. Сигареты оставались первое время своеобразной неофициальной валютой обмена и в послевоенной, оккупированной и разделенной на зоны Германии. Торговали на черном рынке и мясом, маслом, другими пищевыми продуктами, которые было не достать по карточкам. Цены, регулируемые государством, дельцами от теневой экономики, естественно, игнорировались.

Спекуляции подобного рода преследовались по закону. Однако боролась с теневидами обычная полиция, а не СС или иные части политического карательного аппарата, которых в условиях нацистского режима стоило бояться куда больше. Наказание за торговлю на черном рынке теоретически могло быть суровым — вплоть до смертной казни. Однако в реальности чаще всего применялись штрафы, размер которых исчислялся исходя из средней зарплаты и был в основном незначительным. Известны и случаи отправки пойманных с поличным покупателей в действующую армию. Всего за годы войны за спекуляцию было возбуждено около ста тысяч уголовных дел.

При этом многие официальные лица предпочитали закрывать глаза на деятельность подпольных торговцев, получая за это взятки деньгами или дефицитными това-

² Черный рынок Третьего рейха. Как решалась продовольственная проблема в нацистской Германии // Журнал «Коммерсант Деньги». 2014. № 4. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2388958>

³ Быт в Германии в 1944 году. Интервью историка К. Залесского для программы «Цена победы» на радио «Эхо Москвы» // URL: echo.msk.ru/programs/victory/619613-echo. Вышло в эфир 14 сентября 2009 года.

⁴ Проктор Р. Война с табаком в нацистской Германии // URL: www.inliberty.ru/library/567-voyna-snbstakom-vnbspnacistskoy-germanii

рами⁵. Элита также пользовалась их услугами, так как черный рынок позволял приобрести все то, что она привыкла потреблять в более сытые годы⁶. Есть все основания полагать, что и руководство нацистов могло не желать уничтожения этой области теневой экономики, ограничиваясь полумерами и охотой на мелкую рыбешку, так как понимало, что черный рынок помогает в какой-то степени сгладить последствия неблагополучной ситуации со снабжением населения продовольствием по официальным нормам. К тому же его существование в самом конце войны помогло значительному количе-

ству нацистских преступников скрыться или попытаться скрыться от правосудия — и сами не чуравшиеся фальшивомонетничества и ограбления целых стран бывшие эсэсовцы и номенклатурные работники нелегально покупали поддельные документы и при помощи заранее подготовленной сети «крысиных троп» старались уйти от возмездия за содеянное.

Таким образом, породившие черный рынок экономические реалии позволили ему просуществовать до конца войны и даже пережить ее — сразу после окончательного разгрома Третьего Рейха и взятия Берлина началась история черного рынка уже послевоенной Германии, который еще как минимум несколько лет продолжал играть существенную роль в жизни населения страны⁷.

⁵ Haydn Corper. Everyday life in Germany during the war // URL: haydnorper.com/index.php/germany-at-war/everyday-life-in-germany-during-the-war/

⁶ Черный рынок Третьего рейха. Как решалась продовольственная проблема в нацистской Германии // Журнал «Коммерсант Деньги». 2014. № 4. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2388958>

⁷ Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М. : АСТ; Транзиткнига, 2004.

Литература

1. Быт в Германии в 1944 году. Интервью историка К. Залесского для программы «Цена победы» на радио «Эхо Москвы». URL: <http://echo.msk.ru/programs/victory/619613-echo>. Вышло в эфир 14 сентября 2009 года.
2. Черный рынок Третьего рейха. Как решалась продовольственная проблема в нацистской Германии // Журнал «Коммерсант Деньги». 2014. № 4. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2388958>
3. Р. Проктор. Война с табаком в нацистской Германии. URL: <http://www.inliberty.ru/library/567-voynasnbstakom-vnbspnacistskoj-germanii>
4. Haydn Corper. Everyday life in Germany during the war. URL: <http://haydnorper.com/index.php/germany-at-war/everyday-life-in-germany-during-the-war/> (статья на личном сайте историка).
5. Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М. : АСТ; Транзиткнига, 2004.

Формирование теоретико-правовых представлений о социальной функции государства

*Кабанова Инга Сергеевна,
помощник депутата Законодательного Собрания
Вологодской области, аспирант Института
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
Inga1307@bk.ru*

В статье рассматривается история развития взглядов на правовую категорию «социальная функция государства», исследуется процесс осознания государством необходимости решения вопросов социальной сферы. Социальная функция государства научным сообществом выделялась на самых ранних этапах становления теории функций государства. О социальной функции государства стали говорить с появлением концепции социального государства, в Европе она получила распространение в конце XVIII — начале XIX века, в России — только после революции 1917 года. Решение социальных вопросов долгое время не входило в круг обязанностей государства, в разные периоды ими занимались церковь или благотворительные организации. В настоящее время социальная функция относится к числу основных и приоритетных направлений деятельности государства.

Социальная функция — явление очень сложное и противоречивое, поскольку, с одной стороны, деятельность государства в социальной сфере создает состояние социальной безопасности общества, но с другой стороны — она отстраняет человека от ответственности за собственную жизнь. В статье рассмотрены современные трактовки исследуемого понятия и предложено свое определение, анализируется проблема выделения сфер (элементов, базовых функций, подфункций), в которых осуществляется социальная функция.

Ключевые слова: социальное государство, функции государства, социальная сфера, призрение, благотворительность.

Formation of Theoretical and Legal Conception of Social Function of the State

*Kabanova Inga S.,
Assistant Deputy of the Legislative Assembly
of the Vologda Region, Postgraduate Student of the Institute of
Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Government*

The article presents the development history of the views on the legal category «social function of the state» and the studies of the state understanding the need of resolving the social issues. The academic community distinguished the social function of the state in the earliest stages of the state function theory establishment. The social function has become the subject matter since the welfare state concept introduction. In Europe it got widespread in late 18th — early 19th century, in Russia — only after the revolution of 1917. The social issues hadn't been included into the state scope of duties for a long time, in different time periods they were the responsibility of the church or charity organizations. Nowadays the social function is one of the main and primary activities of the state.

The social function is complex and contradictory: on the one hand, the social activity of the state ensures the social security, and on the other hand it excludes people from the responsibility of their lives. The article presents the contemporary interpretations of the notion under study and suggests its original definition, and contains the problem analysis of the area (items, basic functions, subfunctions) determination where the social function is executed.

Key words: welfare state, state functions, community, care, charity.

Долгое время во всем мире вопросы здравоохранения, воспитания и образования подрастающего поколения, содержания лиц пожилого возраста, бродяжничества и нищеты были проблемой самого человека. На протяжении всей истории человечество искало способы поддержать тех, кто столкнулся с трудностями. Первоначально

но социальные вопросы находились в ведении духовенства, церковь решала вопросы оказания помощи нищим, больным, незаконнорожденным детям, вдовам, первые школы, университеты и медицинские учреждения создавались при монастырях. Однако «совершенно изменившиеся условия общественной жизни, изменение поло-

жения церкви, изменение или падение религиозного чувства, все это заставляет искать решение вопроса в иной постановке дела призрения»¹. С XVII века в России вопросами призрения, как и в Англии, Франции и Америке, начинают заниматься различные благотворительные организации, при этом социальная сфера еще долгое время находилась под покровительством церкви.

В какой момент государство начинает осознавать свою необходимость в решении социальных вопросов и прежде всего в истреблении нищеты и бедности? В.А. Гаген, анализируя историю призрения Германии, утверждает, что «внешний повод к введению организованного государством обязательного призрения дали с одной стороны полное банкротство средневековой безразборчивой раздачи милостыни, а с другой — необычайное развитие нищеты и бродяжничества»². Мэлкиор Пэлий (Melchior Palyi), исследуя истоки вмешательства государства в социальную сферу в Англии, приходит к выводу, что страх перед беспорядками голодных заставил государство встать на путь борьбы с бедностью³. П.И. Георгиевский, также изучающий вопросы борьбы с нищетой в странах Европы, приходит к следующим результатам. «По инстинкту самосохранения общественный организм должен стремиться устранить условия, угрожающие его спокойному существованию и развитию, а к числу таких нельзя не отнести пауперизма»⁴. В России, как и в большинстве стран, единственное решение проблемы бедности виделось в беспорядочной благотворительности, которая в результате только увеличивала количество нищих, ухудшала криминогенную обстановку, нищие и бродяги стали важнейшим дестабилизирующим фактором в государстве. Призрение бедных составляет в общем лишь часть

общего социального вопроса⁵, другие сферы также требовали государственного вмешательства. Здравоохранению были необходимы квалифицированные специалисты в борьбе с различными эпидемическими болезнями и оборудованные медицинские учреждения, промышленная революция выдвинула новые требования к уровню образования работников, целью забастовок была модернизация условий труда.

Отправной точкой в становлении социальной функции является формирование концепции социального государства. В 1853 году немецкий философ Лоренц фон Штейн вводит в научный оборот понятие «социальное государство», что породило основу для теоретических дискуссий о его сущности и предназначении. В XIX–XX вв. во всем мире предпринимаются попытки практической реализации концепции государства всеобщего благосостояния. Каждая страна разрабатывает свою модель «социального государства» и создает для этого правовую базу, систему различных социальных служб, формы и методы реализации социальной деятельности государства.

У каждой страны свой путь к социальному государству, но в каждом из них проведена колоссальная работа по внедрению идеологии государства всеобщего благосостояния. Начиная от осознания необходимости построения «социального государства» лидерами и влиятельными политиками стран, создания социального законодательства до трансформации философских и нравственных устоев населения.

В дореволюционной России о социальной функции как о неотъемлемой части внутренней политики государства речи не было, но о деятельности государства в социальной сфере имелось множество мнений, которые были абсолютно полярными.

Б.Н. Чичерин был категорически против распространения идей о «социальном государстве». По его мнению, «к числу наиболее спорных вопросов принадлежит обязанность государства защищать слабых от притеснений... Чем более демократические начала проникают в государственную и общественную жизнь, тем более предметом попечения становится благосостояние масс и тем более самые эти массы, вооруженные

¹ Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность. С.-Петербург : типография Морского министерства, 1894. С. 77.

² Гаген В.А. Право бедного на призрение. Том I. История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии. С.-Петербург : товарищество «Общественная польза», 1907. С. 26.

³ Melchior Palyi. Compulsory Medical Care and the Welfare State // URL:<http://mises.org>

⁴ Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность. С.-Петербург : типография Морского министерства, 1894. С. 82.

⁵ Дерюжинский В.Ф. Заметки об общественном призрении. Москва : Высочайше утвержденное товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1897. С. 5.

политическим правом, требуют помощи государства... Благополучие людей поднимается не иначе как собственной их деятельностью и бережливостью»⁶.

Подобно Б.Н. Чичерину, современный ученый Пьер Буланд (Per Bylund), анализируя историю Швеции, пришел к выводу, что во времена его прабабушки в Швеции каждый сам заботился о себе и своей семье, и это было гордостью, а поддержку искали только действительно нуждающиеся. Но все это было полностью разрушено пособиями по социальному обеспечению и понятием прав благополучия⁷.

Мнение о том, что государство должно заботиться о своих гражданах в тех случаях, когда общество бессильно, разделяет И.Е. Андреевский: «Государство не только обеспечивает посредством закона признаваемые за каждым права, но и действует для создания условий безопасности и благополучия»⁸.

П.И. Георгиевский поддерживает точку зрения относительно ограниченной роли государства в решении социальных проблем. Он считает, что вопросами благополучия населения должны заниматься общественная и частная благотворительность, а государству отводит лишь роль контрольно-надзорного органа за такими организациями⁹.

П.И. Новгородцев был сторонником того, что государство должно создать условия для достойного существования человека, поскольку взяло на себя обязанность по заботе о бедных и нищих, тем не менее призрение бедных рассматривается не как выполнение лежащего на государстве долга, а как государственная благотворительность. Подобно тому, как частное лицо уделяет на дела благотворительности лишь столько, сколько может, так же точно и государство сужает и расширяет свои пособия не столько в зависимости от размеров нужды, сколько в зависимости от своих бюджетных излишков¹⁰.

⁶ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Тома I–III. Москва : типография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко. 1894. С. 422.

⁷ Per Bylund. How the Welfare State Corrupted Sweden? // URL: <http://mises.org>

⁸ Андреевский И. Полицейское право. Том I. С.-Петербург : типография Эд. Праца, 1871. С. 115.

⁹ Георгиевский П. И. Призрение бедных и благотворительность. С.-Петербург : типография Морского министерства, 1894. С. 85.

¹⁰ Новгородцев П.И. и Покровский И.А. О праве на существование (социально-философские

К XIX веку государство в своем развитии приходит к осознанию необходимости своего участия в социальной жизни общества. Конец XIX века — начало XX характеризуется робкими шагами в сторону увеличения государственной деятельности по исследуемому направлению. Как и любое явление в правовой науке, оно вызывает бурную реакцию среди научного сообщества. Надо отметить, что теоретические воззрения прошлого и позапрошлого столетия актуальны и сегодня и составляют основу современных исследований.

В советский период функциональная теория была одной из самых обсуждаемых тем в юриспруденции, помимо определения функций государства все научное сообщество исследовало и проблему их классификаций.

На этапе становления советского государства выделяли следующие функции: хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную, охраны социалистической собственности от воров и расхитителей; подавления сопротивления эксплуататорских классов и военной защиты от нападения извне.

В конце 50-х гг. XX века развернулась масштабная дискуссия относительно количества и содержания функций государства, при этом редки те случаи, когда авторами выделялась социальная функция. Одним из таких ученых является М.И. Пискотин, им было высказано мнение о расширении перечня функций социалистического государства и включении в него таких как экономическая, культурно-воспитательная, социальная и др. Под социальной функцией он понимал «деятельность государства, направленную на содействие укреплению семьи, на борьбу с такими отрицательными явлениями как пьянство и алкоголизм и т.п.»¹¹. Д.И. Чесноков также поддерживал мнение о дополнении распространенной в науке системы функций социалистического государства новыми функциями и выделял функцию подъема благополучия народа¹². В.Д. Попков считает, что Советскому госу-

этьюды). С.-Петербург — Москва : издание товарищества М.О. Вольф, типография товарищества М.О. Вольф, 1854. С. 26.

¹¹ Пискотин М. И. К вопросу о функциях Советского государства в современный период // Советское государство и право. 1958. № 1. С. 89.

¹² Чесноков Д. И. Каковы основные этапы и функции социалистического государства? // Политическое самообразование. 1963. № 4. С. 74.

дарству присуща основная функция по обеспечению благосостояния народа¹³.

Такие мнения подверглись критике, поскольку «признание и выделение в качестве самостоятельных функций возможно большего числа направлений деятельности социалистического государства... может привести к смешению основных и неосновных функций, к растворению первых во вторых»¹⁴.

Попытки выделения функции социальной направленности можно наблюдать в 70-80-е гг. прошлого столетия. Так, Г.Н. Манов выделял функцию социального развития¹⁵, А.А. Нормантас — социально-политические функции¹⁶, Е.Р. Форнель — функции по оказанию социальных услуг¹⁷.

Теоретические воззрения ученых советского периода пронизаны коммунистической идеологией, было противопоставление функций классового государства функциям буржуазного государства. При характеристике функций социалистического государства социальная функция редко выделялась как самостоятельная, считалось, что все функции государства в той или иной мере несут в себе социальную составляющую, имеют общесоциальный характер¹⁸.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения факт наличия социальной функции в системе функций государства, кроме того социальная функция имеет приоритетное значение, поскольку благодаря ее грамотной реализации создается стабильное общество, где каждый будет уверен в завтрашнем дне.

В современной научной литературе встречается множество определений социальной функции государства.

По нашему мнению, социальная функция государства — это одно из основных направлений деятельности государства, в сложных экономических ситуациях имеющее приоритет, осуществляемое в социальной сфере общественных отношений, по предоставлению всем гражданам условий для достойной жизни и свободного развития и по обеспечению социальной защиты уязвимых слоев населения, на основе признаваемых в обществе и законодательно закрепленных социальных стандартов.

Нетрудно заметить, что данное определение не содержит резких обязывающих формулировок, поскольку государство должно помогать своим гражданам при наступлении трудных жизненных ситуаций, во всех остальных случаях государству необходимо создать такие условия, чтобы человек самостоятельно смог обеспечить себе социальную защиту. Когда происходит подмена понятий «создание условий для достойной жизни» и «обеспечение всем достойной жизни», то человек перестает нести ответственность не только за нетрудоспособных членов своей семьи, но и за себя самого.

Дискуссионным вопросом являются сферы (элементы, базовые функции), в которых осуществляется социальная функция.

В большинстве своем исследователи не заостряют внимание на элементах социальной функции и ограничиваются следующими формулировками: «осуществление социальной функции предполагает деятельность государства по оказанию поддержки социально уязвимым категориям населения, по развитию здравоохранения, системы образования, жилищного строительства и жилищно-коммунальных услуг, совершенствованию социальных служб, охране условий труда, обеспечению продовольственной безопасности и т.д.».

С.В. Калашников выделяет следующие базовые функции: 1) социальное обеспечение; 2) обеспечение доступного здравоохранения и образования; 3) социальная защита; 4) сглаживание социального неравенства; 5) обеспечение занятости; 6) предоставление социальных услуг. Выделяется еще и седьмая функция — проведение активной социальной политики, однако она вбирает в себя все остальные функции¹⁹.

¹⁹ Калашников С.В. Очерк теории социального государства // URL: [http:// viperson.ru/](http://viperson.ru/)

¹³ Попков В.Д. Обеспечение благосостояния народа — выражение гуманистической роли социалистического государства // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 22.

¹⁴ Байтин М. И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов: Издательство Саратов. ун-та. 1979. С. 212.

¹⁵ Манов Г.Н. Советское общенародное государство: цели, задачи, функции. М.: Юрид. лит., 1978. С. 63.

¹⁶ Нормантас А.А. Общенародное государство: становление, сущность и функции : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С. 18.

¹⁷ Форнель Е.Р. Функция советского общенародного государства по оказанию социальных услуг : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 7.

¹⁸ Олейникова С.С. Теоретические и организационно-правовые основы становления социальной функции Российского государства в XVII — начале XX вв.: историко-правовой аспект : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 15.

О.В. Родионова все подфункции социальной функции государства делит на явные подфункции (т.е. те объективные последствия, которые служат урегулированию или приспособлению системы «социальное государство» и которые осознавались как цели субъектами социальной функции), и латентные подфункции (т.е. те объективные последствия, которые, напротив, служат регулированию системы «социальное государство» и изначально не осознавались

субъектами социальной деятельности как цели)²⁰.

Действительно сложно выделить все направления осуществления социальной функции, поскольку границы социальной функции государства очень динамичны, поэтому в данном случае целесообразно выделять базовые функции, как это сделал С.В. Калашников.

²⁰ Родионова О.В. Социальная функция современного государства : автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2007. URL: <http://lawtheses.com/sotsialnaya-funktsiya-sovremennogo-gosudarstva#ixzz44x9tYnjA>

articles/s-v-kalashnikov-ocherk-teorii-sotsialnogo-gosudarstva.

Литература

1. Андреевский И. Полицейское право. Том I. С.-Петербург : типография Эд. Праца, 1871. 543 с.
2. Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов : Издательство Саратов. ун-та, 1979. 302 с.
3. Гаген В.А. Право бедного на призрение. Том I. История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии. С.-Петербург : товарищество «Общественная польза», 1907. 649 с.
4. Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность. С.-Петербург : типография Морского министерства, 1894. 117 с.
5. Дерюжинский В. Ф. Заметки об общественном призрении. М. : Высочайше утвержденное товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1897. 87 с.
6. Калашников С.В. Очерк теории социального государства // URL: <http://viperson.ru/articles/s-v-kalashnikov-ocherk-teorii-sotsialnogo-gosudarstva>
7. Манов Г.Н. Советское общенародное государство: цели, задачи, функции. М. : Юридическая литература, 1978. 96 с.
8. Новгородцев П.И. и Покровский И.А. О праве на существование (социально-философские этюды). С.-Петербург — Москва : издание товарищества М.О. Вольф, типография товарищества М.О. Вольф, 1854. 48 с.
9. Нормантас А.А. Общественное государство: становление, сущность и функции : автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 20 с.
10. Олейникова С.С. Теоретические и организационно-правовые основы становления социальной функции Российского государства в XVII — начале XX вв.: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. 27 с.
11. Пискотин М.И. К вопросу о функциях Советского государства в современный период // Советское государство и право. 1958. № 1. С. 89–100.
12. Попков В.Д. Обеспечение благосостояния народа — выражение гуманистической роли социалистического государства // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 22–29.
13. Родионова О.В. Социальная функция современного государства : автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2007. URL: <http://lawtheses.com/sotsialnaya-funktsiya-sovremennogo-gosudarstva#ixzz44x9tYnjA>
14. Формель Е.Р. Функция советского общенародного государства по оказанию социальных услуг : автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 19 с.
15. Чесноков Д.И. Каковы основные этапы и функции социалистического государства? // Политическое самообразование. 1963. № 4. С. 73–77.
16. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Тома I–III. Москва : типография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1894. 492 с.
17. Melchior Palyi. Compulsory Medical Care and the Welfare State // URL: <http://mises.org>
18. Per Bylund. How the Welfare State Corrupted Sweden? // URL: <http://mises.org>

«Ранний» парламентаризм в Великобритании в XVII–XVIII веках

*Коновалова Людмила Геннадьевна,
доцент кафедры конституционного и международного права юридического факультета Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
vaskova82@yandex.ru*

В статье на основе предложенной автором периодизации рассматривается второй этап становления парламентаризма в зарубежных странах на примере Великобритании XVII–XVIII вв. Автор доказывает, что в Великобритании в указанный период произошла легализация законодательных и отчасти контрольных полномочий парламента, превратившая его в реальную политическую силу, выступающую в качестве арены для противоборства господствующих в стране политических взглядов. Выделяемый период ознаменован также появлением первых политических партий, зарождением разделения властей, свободного мандата депутата. Отмечается, что на рубеже XVII–XVIII вв. в Англии получил легальное оформление принцип верховенства парламента. Однако окончательно вопрос о взаимоотношениях властей еще не был решен, король по-прежнему сохранял право абсолютного вето, право формировать свое правительство и не нес политической ответственности перед парламентом, равно как и его министры.

Особое внимание в статье уделено развитию политико-правовой мысли Великобритании XVII–XVIII вв., имеющей большое значение для становления современной теории парламентаризма.

Ключевые слова: парламента, депутат, разделение властей.

“Young” Parliamentarism in the Great Britain in XVII–XVIII Centuries

*Konovalova Lyudmila G.,
Assistant Professor of the Department of Constitutional and International Law
of the Law Faculty of the Altai State University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article proposed by the author on the basis of periodization is considered the second stage of the formation of parliamentarism in foreign countries by the example of Great Britain XVII–XVIII centuries. The author argues that in the UK during this period there was a kind of legalization of legislative and supervisory powers of parliament, turning it into a real political force, serving as an arena for confrontation between the country's ruling political views. Allocated period was also marked by the appearance of the first political parties, the birth of the separation of powers, free deputy mandate. It is noted that at the turn of XVII–XVIII centuries. England received legal clearance of the rule of parliament. However, the final question of the relationship of the authorities has not yet been resolved, the king still retained an absolute veto, the right to form their own government and did not carry the political responsibility before the Parliament, as well as his ministers.

Special attention is paid to the development of political and legal thought Britain XVII–XVIII cc., which is of great importance for the development of the modern theory of parliamentarism.

Key words: Parliament, deputy, the separation of powers.

Историю развития парламентаризма в зарубежных странах, на наш взгляд, можно представить через призму следующей периодизации: 1) становление доктрины и практики парламентаризма в XIII–XVII вв.; 2) «ранний» парламентаризм в XVII–XVIII вв.; 3) «классический» парламентаризм XIX — начала XX в.; 4) «модифицированный» парламентаризм конца XX — XXI в. При этом этап «раннего» парламентаризма связан с легализацией законодательных и отчасти контрольных полномочий парламента, превращением их в реальную политическую

силу, выступающую в качестве арены для противоборства господствующих в стране политических взглядов. Выделяемый период ознаменован также появлением первых политических партий, зарождением разделения властей, свободного мандата депутата.

Показателен в этом плане опыт Великобритании XVII–XVIII вв., сопровождаемый жесткими политико-правовыми спорами по вопросам королевской прерогативы и прав парламента. Если в XVI в. в политической мысли страны господствовали представления о целесообразности сильной монаршей

власти, но исключавшей произвол Короны, то к XVII в. общественное мнение разделилось на два течения — сторонников сильной власти короля и идеологов укрепления статуса парламента.

Первое течение, получившее название «роялисты», было в основном представлено феодальным дворянством, духовенством. В стане абсолютистов следует назвать прежде всего Якова I (нач. XVII в.), который был не только королем, но и автором политических трактатов «О подлинном законе свободных монархий», «Подарок короля». Он считал, что любой произвол королей лучше, чем анархия, что короли абсолютно свободны в своих решениях и только бог стоит над ними. А парламента, в представлении Якова, должен служить лишь для регистрации решений монарха¹. Наиболее известными сторонниками идей Якова I были Ф. Бэкон и Т. Гоббс. Ф. Бэкон получил большее признание в качестве философа, нежели политического мыслителя. Но он некоторое время служил лордом-канцлером при Якове I, и с позиций своего практического опыта не игнорировал парламента, а, имея в виду опасность деспотизма, рекомендовал его регулярный созыв, видел в парламенте помощника королевской власти и посредника между монархом и народом. Мудрость правительства он видел в умении «убаюкивать людей надеждами, когда оно не может удовлетворить их нужды»². Создатель договорной теории происхождения государства Т. Гоббс считал, что для жизни в спокойствии и достатке люди должны отказаться от честолюбия и полностью подчиниться той неограниченной власти, которую они сами когда-то учредили. Он отрицательно относился к народовластию, полагая, что «черни не доступна большая мудрость», и к политическим партиям, находя в них виновников гражданской войны³.

Второе течение, объединившее сторонников сильной власти парламента и признания права народа на сопротивление тирании, получило до революции название «пуританизм». Одним из видных оппозиционеров абсолютизму в этом стане был Э. Кок, слу-

живший при королеве Елизавете спикером Палаты общин и генеральным атторнеем, а в 1620 г. при Якове I возглавивший оппозицию в парламенте. Э. Кок последовательно проводил в жизнь идею верховенства общего права и связанности королевской власти его нормами. Он не был противником монархии, но был противником абсолютизма. На парламента Кок смотрел как на высокий суд, который скорее объявляет, что является правом, чем творит право. Парламента, по его мысли, должен быть ограничен в законотворчестве и должен лишь применять старые принципы к новым обстоятельствам. То есть и над парламентом, и над королем ставились судьи, как инстанция, творящая прецедентное право и решающая вопросы о конституционности актов⁴. Среди идеологов ограничения королевской власти значима фигура Дж. Элиота. Этого признанного парламентского трибуна отличала убежденность в мудрости Палаты общин. Он считал ее мыслью, разумом и голосом всей нации, призывал к расширению ее полномочий. Аналогичные мысли высказывали У. Рали, Дж. Селден⁵.

В условиях такой полярности мнений в 1640 г. был созван парламента, проработавший до 1653 г. и получивший название «долгого». В его деятельности можно обозначить следующие этапы: 1) 1640–1642 гг., характеризующийся единством парламентской оппозиции и расширением прерогатив парламента; 2) 1642–1646 гг. — период первой гражданской войны; 3) 1646–1649 гг. — борьба за демократические ценности между индепендентами, пресвитерианами и королем, вторая гражданская война; 4) 1649–1653 гг. — работа парламента в период республики О. Кромвеля⁶. Примечательным в этих исторических событиях является параллельность легально действующего парламента (даже приход к власти О. Кромвеля в 1649 г. был надлежащим образом оформлен парламентом) и открыто применяющихся методов насилия со стороны всех противоборствующих сил конфликта (использование вооруженных сил, «чистка» парламента от активных пресвитериан, казнь короля в 1649 г.). Также специфичным для Англии

¹ См.: История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1983. С. 73.

² Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / сост. А.А. Субботин. М., 1971. С. 49, 508–511.

³ См.: Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 12, 432.

⁴ См.: История политических и правовых учений XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1989. С. 41.

⁵ См.: Там же. С. 41–44.

⁶ См.: История государства и права зарубежных стран: учебник / отв. ред. И.А. Исаев, Т.П. Филиппова. М., 2012. С. 249–252.

этих лет является значимость религиозного вопроса в политике.

Не получив опоры в парламенте, О. Кромвель разогнал его и ввел в действие Конституцию, получившую название «Орудие управления» и закрепившую диктатуру Кромвеля. Согласно этой Конституции высшая законодательная власть сосредоточилась в руках лорд-протектора и однопалатного парламента, избираемого с использованием значительного имущественного ценза. Однако на практике парламент практически не созывался. В 1657 г. была восстановлена двухпалатность парламента.

В период правления сына Кромвеля Ричарда, с 1658 по 1660 гг., в парламент были возвращены отдельные депутаты долгого парламента, а в 1660 г. парламента принял решение о самороспуске и реставрации у власти династии Стюартов. Возведенный на трон Карл II действовал достаточно гибко, но его преемник Яков II своей жесткостью и симпатиями к католицизму вызвал значительную неудовлетворенность граждан, что вновь привело к формированию двух противоборствующих сил — прокоролевских тори и оппозиционных вигов⁷. Значительным успехом оппозиции было принятие в 1679 г. Хабеас корпус акта, одного из основных конституционных документов Англии. Как известно, Акт содержит принципы справедливого и демократического правосудия: презумпцию невиновности, правила соблюдения законности задержания, право оперативного и надлежащего судопроизводства⁸.

Дальнейшая политика Якова II, грозившая перераспределением земель, привела к временному объединению вигов и тори, которые осуществили государственный переворот 1688 г. с целью замены монарха на более «удобного». Переворот получил название «Славная революция» и ознаменовал прекращение существенных распрей между господствующей буржуазией и земельной аристократией, были заложены основы консенсуса между ведущими политическими силами⁹. Это событие повлекло за собой

принятие серии актов, закрепивших основы британского парламентаризма.

В частности, в 1689 г. определенные принципы «разделения властей» были намечены Биллем о правах, который обозначил положение парламента в системе государственных органов, подтвердил действие Петиции о праве 1628 г., провозгласил свободу выборов членов парламента, свободу слова в парламенте. Акт об устройении 1701 г. обязал монарха действовать строго на основе закона, закрепил гарантии независимости судей от исполнительной власти, запретил совмещение членства в Палате общин с министерской должностью (хотя последний запрет был отменен в 1707 г.). Семилетний акт 1716 г. установил порядок созыва и роспуска парламента, сессионный принцип его работы¹⁰. К концу XVII в. утвердилось преимущественное право Палаты общин по отношению к Палате лордов в вопросах финансов, установлен целевой контроль за расходованием налогов королем¹¹, сформировался институт ответственности за оскорбление парламента¹².

То есть на рубеже XVII–XVIII вв. в Англии получил легальное оформление принцип верховенства парламента. Однако окончательно вопрос о взаимоотношениях властей еще не был решен, король по-прежнему сохранял право абсолютного вето, право формировать свое правительство и не нес политической ответственности перед парламентом, равно как и его министры.

Эта ситуация изменилась под воздействием буржуазии в XVIII в., получившем название «золотой век парламентаризма». Главными направлениями эволюции британской монархии в течение XVIII в. были дальнейшее ограничение власти короля и становление системы «ответственного правительства». Важнейшей особенностью этих изменений стало то, что они не были оформлены какими-либо конституционными актами, а сложились в процессе политической

⁷ См.: История государства и права зарубежных стран : учебник : в 2 т. Т. 2: Современная эпоха / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2008. С. 20–29.

⁸ См.: Законодательство Английской революции 1640–1660 гг. / сост. Н.П. Дмитриевский, 1986. С. 12.

⁹ См.: История государства и права зарубежных стран : учебник / под ред. М.Н. Прудникова. М. :

Юнити-Дана, 2009. С. 252–256 ; История государства и права зарубежных стран : учебник / под ред. Н.В. Михайловой. М. : Юнити-Дана, 2008. С. 345–367.

¹⁰ См.: Законодательство Английской революции 1640–1660 гг. / сост. Н.П. Дмитриевский, 1986. С. 28–31.

¹¹ См.: Федотова Ю.Г. Институт парламентского расследования в РФ. М., 2014. С. 16.

¹² См.: Левина М.И. Парламентское право Великобритании XVII — начала XIX вв. М., 2000. С. 45.

практики как результат соперничества двух партий за право формировать правительство. Именно конституционные обычаи и прецеденты в XVIII в. ограничили абсолютное право вето короля, осуществили «отчуждение» короля от Кабинета министров, преобразовали средневековый институт импичмента в форму политической ответственности должностных лиц, утвердили однопартийный принцип формирования Кабинета, практику образования оппозицией «Теневого кабинета», оформили правила ухода Кабинета в отставку¹³. Так, в 1782 г. кабинет впервые ушел в отставку всем составом из-за вотума недоверия в Палате общин (прецедент солидарной ответственности кабинета), а в 1784 г. была впервые применена ответная мера: кабинет вместо ухода в отставку распустил парламент, воспользовавшись прерогативой Короны¹⁴.

Вместе с тем об утверждении парламентаризма в полном смысле этого слова в Англии XVIII в. говорить еще не приходится, поскольку система представительства в парламенте позволяла использовать «гнилые» местечки, избирательные цензы, подкуп и обеспечивать в Палате общин участие сторонников короля и богатых слоев населения. Значимым оставалось положение монарха и верхней палаты парламента, процветала коррупция.

Большое значение для развития теории парламентаризма имели идеи государственных деятелей и философов периода английской революции и XVIII в. Так, памфлет Г. Паркера 1642 г. «Наблюдения о некоторых позднейших ответах и заявлениях Его Величества» был посвящен обоснованию неограниченной власти парламента. Паркер рассматривал государственность как результат согласования воли политических корпораций, а парламент — не просто как институт народного представительства, а как сам народ и само государство¹⁵. Дж. Лильберн, Дж. Мильтон и Г.П. Гуч представляли так называемых левеллеров, отстаивавших идеи республиканизма, свобо-

ды слова и народного суверенитета. Однако всевластие парламента авторы отвергали, ставя народ выше представительного органа¹⁶. Широкую известность получило произведение Дж. Гаррингтона «Океания», в котором высказывалась обосновывающая революцию мысль о целесообразности перехода не только власти от аристократии к простым людям, но и собственности в руки народа. Автор выступал за расширение принципа выборности в осуществлении государственной власти, считал, что народная мудрость должна быть представлена в сенате¹⁷.

Ярким выразителем антиабсолютистских идей стал создатель теории разделения властей Дж. Локк. Для ограничения государственной власти общественным благом и естественными правами он предлагал использовать принцип законности и разделение властей с признанием приоритета законодательной власти. Однако философ задумывался и над тем, чтобы не допустить злоупотреблений со стороны парламента. Эта цель должна достигаться подчинением законодательной власти своим законам и коллегиальностью принятия решений в представительном органе. Так, автор писал: «законодательная власть передается в руки различных лиц, которые, собравшись должным образом, обладают сами или совместно с другими властью создавать законы; когда же они это исполнили, то, разделившись вновь, они сами подпадают под действие тех законов, которые были ими созданы; это для них новая и непосредственная обязанность, которая побуждает их следить за тем, чтобы они создавали законы для блага общества»¹⁸. В дальнейшем идею разделения властей поддержал другой известный британский философ Д. Юм. В свободе прессы автор видел гарантии от злоупотреблений властью, позитивно относился к укреплению положения Палаты общин, но предостерегал против расширения ее прерогатив¹⁹.

¹³ См.: История государства и права зарубежных стран : учебник: в 2 т. Т. 2: Современная эпоха / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2008. С. 33–35.

¹⁴ См.: Разделение властей : учебное пособие / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2004. С. 107.

¹⁵ См.: История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1983. С. 83–84.

¹⁶ См.: История политических и правовых учений XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1989. С. 49–60.

¹⁷ См.: Сапрыкин Ю.М. Политическое учение Гаррингтона: Из истории идейно-политической борьбы в годы английской буржуазной революции XVII в. М., 1975. С. 13–46.

¹⁸ Локк. Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3 / под ред. А.Л. Субботина. М., 1988. С. 347.

¹⁹ См.: Юм. Д. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 162–187.

Консервативное течение XVIII в. в Англии представлено У. Блэкстоном и Э. Берком. По Блэкстону, носителем государственного суверенитета являлся «король в парламенте», а британский государственный строй рассматривался как идеальный, не нуждающийся в усовершенствовании²⁰. Берк тоже был противником демократизации сложившейся к 1688 г. аристократической парламентской системы Англии, а идею суверенитета народа считал «пустой спекуляцией». Но при этом Берк стал одним из ведущих теоретиков концепции свободного мандата депутата, на которой основывается современная теория парламентаризма. Автор считал депутатов лицами, которым избиратели доверили представительство за их мудрость и общественное положение, поэтому они должны руководствоваться не мнением избирателей, а своими собственными убеждениями²¹.

Весьма оригинальным подходом к оценке деятельности парламента была доктрина утилитаризма, основанная на анализе государственных институтов с точки зрения их полезности и достижения общего блага. Такой подход, нашедший отражение, например, в работах И. Бентама, привел к ана-

лизу конкретных недостатков британского парламентаризма: запутанности законодательства, чрезмерной сложности процессуальных норм, коррупции, дороговизны судебной защиты²². И. Бентам высказывался за введение всеобщего избирательного права (для мужчин) и права отзыва депутатов, ежегодные парламентские выборы, судебную ответственность чиновников, упрощение и удешевление судебных процедур²³.

Значимость британской философско-правовой мысли XVII–XVIII вв. для становления современных принципов государственности, в том числе и парламентаризма, подчеркивает факт ее формирования в условиях отсутствия свободы слова. Идеи многих мыслителей буквально стоили им карьеры, здоровья и даже жизни. Например, Э. Кок в результате своих политических убеждений лишился влиятельной должности судьи и умер в заточении, Дж. Элиот подвергался неоднократному аресту в Тауэре, постоянное преследование велось и в отношении Дж. Лильберна.

²⁰ См.: История политических и правовых учений XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1989. С. 87.

²¹ См.: Берк Э. Правление, политика и общество / пер. с англ. Л. Полякова. М., 2001. С. 45–89.

²² См.: История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1983. С. 107.

²³ См.: Бентам И. Принципы законодательства. Тактика законодательных собраний // Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. М., 2000. С. 161–173.

Литература

1. Берк Э. Правление, политика и общество. М., 2001.
2. Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. М., 1971.
3. Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1965.
4. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1983.
5. История государства и права зарубежных стран: учебник / отв. ред. И.А. Исаев, Т.П. Филиппова. М., 2012.
6. История политических и правовых учений XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1989.
7. Левина М.И. Парламентское право Великобритании XVII — начала XIX вв. М., 2000.
8. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3 / под ред. А.А. Субботина. М., 1988.
9. Разделение властей: учебное пособие / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2004.
10. Сапрыкин Ю.М. Политическое учение Гаррингтона: Из истории идейно-политической борьбы в годы английской буржуазной революции XVII в. М., 1975.
11. Федотова Ю.Г. Институт парламентского расследования в РФ. М., 2014.
12. Юм. Д. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1996.

Опыт стран Северной Европы по либерализации политического режима в XIX–XX вв.

*Красавцев Лев Борисович,
профессор кафедры теории и истории
государства и права Северного (Арктического)
федерального университета имени М.В. Ломоносова,
доктор исторических наук
v.pisaruk@narfu.ru*

Статья рассказывает об особенностях перехода стран Северной Европы — Дании, Норвегии и Швеции к буржуазному обществу и либерализации в связи с этим политического режима. Правящие круги этих стран смогли мирным путем, без революций перейти от феодализма к капитализму, путем реформ создать к концу XIX века в рамках конституционных монархий вполне демократический политический режим.

Ключевые слова: Северная Европа, конституции, реформы, либерализация, политический режим.

Practice of the Nordic Countries on Liberalization of Political Regime in the XIX–XX Centuries

*Krasavtsev Lev B.,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Doctor of History*

The article speaks about the specialities of the conversion of the countries of Northern Europe — Denmark Norway and Sweden to the bourgeois society and the liberal of the political regime in connection with that. The ruling circles of those countries was able to turn from the feudalism to capitalism on the peaceful way, without revolution, on the way of the reforms to create the perfectly democratic political system in the frames of the constitutional monarchies to the end XIX century.

Key words: Northern Europe, constitutions, reforms, liberal, political regime.

Страны Северной Европы — Дания, Норвегия и Швеция в отличие от Англии, Франции и других стран Европы смогли мирным путем, без революций перейти от феодализма к капитализму и на протяжении XIX — начала XX веков создать вполне демократические политические режимы. Это позволило им в последующем приступить к построению социального государства и государства «всеобщего благоденствия».

Дания уже в конце XVIII века с приходом к власти реформистски настроенных кругов проводит ряд радикальных реформ. Эти реформы положили начало модернизации Дании и превращению ее в буржуазное государство. Благодаря проведенным реформам был совершен переход от полукрепостнической системы к свободному крестьянскому хозяйству фермерского типа. Крестьянин получил землю в собственность.

Землевладельцам запретили сгонять с земли добросовестных крестьян-аренда-

торов, запрещены телесные наказания крестьян их помещиками, отменялись все виды зависимости и прикрепления их к земле, отменялись полицейская и судебная власть помещика над крестьянами, началось ограничение барщины. Был создан для крестьян кредитный банк. Крестьянам-арендаторам предоставлялись ссуды для выкупа земли в собственность.

Реформы коснулись и других отраслей хозяйства. Правительство отказалось от многих ограничений строгого меркантилизма. Но политический режим все еще оставался абсолютистским. Рост влияния буржуазии, интеллигенции и крестьян-собственников и в связи с этим либерально-демократической оппозиции заставили королевскую власть пойти на реформы политической системы. В 1831 г. было объявлено о созыве провинциальных сословий — представительных собраний с совещательными функциями. Активное избирательное право получили собственники недвижимо-

сти старше 25 лет, а это только 2,8% населения¹.

В 1837–1841 гг. в Дании было введено местное самоуправление в виде окружных, городских и приходских советов, которые избирались только зажиточными слоями населения. Либерально-демократические круги требовали принятия конституции. Революционные события 1848 г. в Европе заставили короля Фредерика VII (1848–1863) объявить себя конституционным монархом. 5 июня 1849 г. (национальный праздник) король утвердил одобренную учредительным собранием конституцию. Дания стала конституционно-ограниченной монархией. У короля сохранились и законодательная, и исполнительная власти. Министры отвечали перед королем.

Законодательную власть осуществляли король и парламент (ригсдаг). Парламент состоял из двух палат: высшей — ландстинг и нижней — фолькетинг. Избирательное право получили мужчины старше 30 лет, кроме получающих пособие по бедности. Судебная власть была отделена от административной. Все привилегии дворянства отменялись. Провозглашались свобода печати, религий, собраний. Вводилась всеобщая воинская повинность. Отменялись феодальные пережитки в деревне, в том числе телесные наказания со стороны хозяев. В целом конституция 1849 г. была в то время одной из самых демократических в Западной Европе.

После поражения Дании в войне с германскими государствами консервативные силы смогли добиться консервативного пересмотра конституции, в результате чего полномочия короля были расширены, отменено всеобщее избирательное право на выборах верхней палаты.

Во второй половине XIX века в Дании произошли глубокие экономические и социальные преобразования. Развернулась промышленная революция, началась индустриализация. Возникли крестьянская и рабочая социал-демократическая партии, рабочие объединялись в профсоюзы. После победы на выборах в 1901 г. крестьянской партии король Кристиан IX вынужден был согласиться на введение парламентаризма — создание правительства большинства нижней палаты. Нижняя палата — фолькетинг определяла состав правительства, бюджет, пра-

вительство несло ответственность перед фолькетингом.

5 июня 1915 г. была принята новая конституция, вступившая в силу в 1918 г. Отменялись привилегии дворянства, лены и майораты упразднялись, впервые предоставлялось избирательное право женщинам и прислуге, снижался избирательный возраст до 25 лет, упразднялось право короля назначать членов верхней палаты². В 1919 г. был радикальный закон о земле. Часть старинных родовых имений, ранее неделимых и неотчуждаемых, и церковных земель была конфискована и бесплатно предоставлена безземельным крестьянам для создания ими своих небольших хозяйств. Была проведена судебная реформа, отделившая судебную власть от исполнительной, введены гласность судопроизводства и суд присяжных. Были приняты законы о помощи бедным, о поддержке стариков, об улучшении работы касс взаимопомощи, о помощи сиротам, о больничных кассах, о строительстве жилья, о регулировании рынка труда.

В итоге в Дании были заложены политические, экономические, институциональные основы скандинавской модели развития, сочетавшей капиталистический способ производства с социально ориентированной системой перераспределения, а также были заложены основы будущего гражданского общества³.

Либеральные преобразования в Норвегии совпали по времени с освободительным движением против унии с Данией. Воспользовавшись поражением Дании в войнах на стороне Наполеона, норвежцы провозгласили независимость. В феврале 1814 г. были проведены выборы, относительно демократические, в Государственное собрание. Впервые в собрание были избраны простые крестьяне, 37 депутатов из 112⁴. Было сформировано первое за 300 лет норвежское правительство. 17 мая была принята действующая по настоящее время конституция.

Конституция провозглашала Норвегию свободным, независимым и неделимым государством с ограниченной наследственной монархией. Король осуществлял исполнительную власть, обладал широкими

¹ История Дании с древнейших времен до начала XX века / Е.А. Мельникова и др. М., 1996. С. 273.

² Красавцев Л.Б. История государства и права стран Северной Европы. Архангельск : Поморский университет, 2011. С. 82.

³ История Дании: XX век / отв. ред. Ю.В. Кудрина, В.В. Рогинский. М., 1998. С. 83.

⁴ Там же. С. 256.

полномочиями с правом издавать указы, но не противоречащие Конституции и законам, принятым парламентом (стортингом). Король также был главнокомандующим, имел право объявлять войну, заключать мир, являлся главой церкви, назначал правительство и Государственный совет, но все указы короля должны быть контрассигнованы.

Конституция предоставляла избирательное право мужчинам с 25 лет, с цензом оседлости 5 лет, с определенным имущественным цензом. Законодательную власть осуществлял народ через двухпалатный парламент. Парламент, помимо законодательства и налогов, руководил внешними займами, контролировал финансы, расходы на оборону и королевскую семью. Конституция запрещала пытки, провозглашала свободу печати, предпринимательства.

Но великие державы (Россия, Англия, Пруссия и Австрия) обещали мирное присоединение Норвегии к Швеции. После короткой войны со Швецией норвежцы вынуждены были согласиться на унию со Швецией при условии сохранения норвежской Конституции. Шведский король был избран королем Норвегии, внешняя политика отошла к Швеции. Уния была личной — имели одного короля.

В 1815 г. в Норвегии было упразднено дворянство, отменили все дворянские привилегии. В 1837 г. были созданы демократические органы местного самоуправления — муниципалитеты. В середине XIX века идет бурное развитие капитализма, проводится индустриализация. При этом большую роль играет государство. Оно строит порты, железные дороги, телеграфные линии, регулирует налогообложение, отменяет устаревшие торгово-промышленные привилегии.

В конце века происходит объединение крестьян и рабочих. В 1887 г. организована Норвежская рабочая партия (НРП). В 1889 г. основано Центральное объединение профсоюзов Норвегии. В 1896 г. создан Норвежский крестьянский союз. Проводится расширение избирательного права, снижен имущественный ценз, право голоса получили служащие и высокооплачиваемые рабочие, а в 1898 г. вводится всеобщее мужское избирательное право.

Активизируется политическая жизнь: организуются различные ассоциации, выражающие различные групповые интересы, выходят новые газеты, проводятся политические митинги, развивается народное образование. Государство все больше выполняет роль

регулятора и арбитра. Принимаются законы по улучшению условий труда, защите рабочих от производственного травматизма, вводится обязательное страхование от несчастных случаев за счет предпринимателей, регулируется женский и детский труд, ночной труд и труд в праздничные дни, вводится особый трудовой суд, постепенно запрещается детский труд.

После переговоров Норвегии со Швецией в 1905 г. Швеция согласилась на прекращение унии. Так мирно Норвегия добилась независимости. Первым иностранным государством, признавшим независимость Норвегии, была Россия. В ноябре 1905 г. на плебисците за датского принца, ставшего норвежским королем Хоконом VII, было подано 259 тысяч голосов против 69 тысяч⁵.

Таким образом, перед Первой мировой войной в Норвегии были созданы условия для построения в XX веке социального государства по скандинавской модели и гражданского общества.

В Швеции преобразования начались с аграрной реформы 1827 г. Был проведен раздел земли, ликвидирована чересполосица. В 1840 г. проведена министерская реформа. Министры стали ответственными за свои департаменты. В 1862 г. проведена радикальная реформа местного самоуправления. Приходы были разделены на церковные и гражданские собрания. Церковные занимались вопросами религии и школьным делом. Гражданские приходы отвечали за хозяйственные дела на местах. Они обеспечивали порядок, решали вопросы здравоохранения, призрения бедных, содержания дорог.

В сельских коммунах гражданские собрания назывались коммунальными, а исполнительная власть — коммунальным правлением. В городах — городское собрание и магистрат — исполнительный орган. Как промежуточное звено между коммунами и центральной властью в областях были организованы региональные ригсдаги — ландстинги. Их члены избирались от городов и сельских коммун. Избирательное право в органы местного самоуправления получили все мужчины, но право голоса зависело от дохода и размеров имущества.

В 1865 г. была проведена парламентская реформа. Было ликвидировано сословное деление общества. Преобразован пар-

⁵ История Норвегии от викингов до наших дней / Р. Дониальсен и др. М., 2003. С. 307.

ламент-ригсдаг. Он состоял из двух палат. Депутаты первой палаты избирались на 9 лет ландстингами и муниципалитетами больших городов. Был введен большой имущественный ценз. Поэтому в первой палате были представлены только богатые: старое дворянство, высшие чиновники, епископы, богатые предприниматели.

Вторая палата избиралась прямым голосованием на 3 года. Избирательное право получили мужчины с 21 года и с определенным имущественным цензом. Так могла голосовать только четверть мужского населения. Не имели голоса наемные рабочие, мелкие ремесленники и низшие служащие. Для избрания во вторую палату требовался возраст 25 лет и ценз оседлости. Обе палаты по своим правам были равны. Новый риксдаг собирался ежегодно. В первую палату избиралось 125 депутатов, во вторую — 190 депутатов⁶.

Либеральные реформы были проведены и в экономической, культурной и социальной сферах. Ликвидировали цеховую систему, ввели свободу предпринимательства, свободу торговли, начали строить железные дороги. В 1842 г. было введено всеобщее народное школьное образование с 7 до 13 лет. Расходы на содержание школ несли местные власти.

Во второй половине XIX века во второй палате риксдага создается первая парламентская партия — «Партия сельских хозяев», которая в течение 20 лет имела устойчивое большинство в палате и играла большую роль в риксдаге. Она отстаивала интересы крестьян. Так, в 1885 г. она добилась снижения на 30% поземельного налога⁷.

Происходившее во второй половине XIX века бурное промышленное развитие Швеции значительно преобразовало общество. С началом индустриализации параллельно развивается народное движение, представляющее, по определению шведских историков, «хребет шведской демократии»⁸. Многие современные политические партии Швеции выросли из народного движения.

Индустриализация привела к образованию промышленных рабочих. Длительное время условия жизни и труда рабочих были тяжелыми. Для улучшения своего существования, отстаивания своих интересов рабочие стали объединяться в профессиональ-

ные союзы. Они стали выдвигать требования о сокращении рабочего дня, увеличении заработной платы, соблюдении техники безопасности, справедливых условий найма на работу. В 1898 г. различные профсоюзы объединились и было создано Центральное объединение профсоюзов Швеции — ЦОПШ. ЦОПШ стало играть большую роль в отношениях с работодателями и в политической жизни страны в целом.

В свою очередь произошло и объединение предпринимателей, основавших в 1902 г. Объединение работодателей Швеции — ОРШ. С этих пор переговоры между ними при посредничестве государства стали определять отношения работодателей и наемных работников, да и всю государственную политику. В 1889 г. была образована социал-демократическая партия Швеции, она провозгласила своей целью борьбу за интересы рабочих и преобразование общества в демократическом направлении.

Вскоре лидером партии стал видный деятель Я. Брантинг. Он выдвинул идею движения к «шведской модели» — к «обществу всеобщего благоденствия», сочетавшему идеи социального и правового государства. Он призывал рабочих изменить существующее несправедливое общество путем постепенного проведения демократических реформ. Отсюда главная цель партии — завоевание политической демократии, всеобщее избирательное право, сотрудничество с профсоюзами, либералами, предоставление трудящимся образования. Будущая Швеция под руководством социал-демократов, по Брантингу, должна стать «домом для всех». И действительно, в XX веке Швеция под руководством социал-демократов стала таким государством. Недаром в 1921 г. Брантинг был удостоен Нобелевской премии мира.

В 1905 г. шведский риксдаг вынужден был отменить государственный акт об унии с Норвегией, а шведский король Оскар II был официально отстранен от норвежского престола. Почти вековая уния двух государств прекратилась.

В 1909 г. завершилась борьба за всеобщее избирательное право. Риксдаг принял избирательную реформу и включил ее в основной закон страны. Право голоса получили все мужчины с 24 лет. Вводилась одновременно пропорциональная система выборов в обе палаты. Значительной либерализации подверглась в XIX веке и правовая систе-

⁶ Мелин Я., Юхансон А., Хеденборг С. История Швеции, М., 2002. С. 187.

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Там же. С. 206.

ма Швеции⁹. В целом произошедшие в Швеции изменения политического режима подготовили условия для дальнейшего развития по пути демократии и шведского «дома для всех» в XX веке. В 1913 г. в Швеции была введена всеобщая «народная» пенсия, которая позволила людям обеспечить себя экономически, после того как они по возрасту перестали работать и утратили источник жизнеобеспечения (дохода)¹⁰.

⁹ Красавцев Л.Б. Указ соч. С. 175–187.

¹⁰ Красавцев Л.Б. Государство всеобщего благоденствия: теория и практика — шведская модель развития // Социальное и пенсионное право. 2007. № 2. С. 47–48.

Таким образом, в XIX веке правящие круги Дании, Норвегии и Швеции смогли мирным путем, путем реформ, избежав революций, перейти к буржуазному строю, провести необходимые преобразования и создать в начале XX века вполне либерально-демократический политический строй. При этом они не только встали вровень с передовыми государствами мира того времени — США, Великобританией, Францией, странами первого эшелона, проведшими такие преобразования после буржуазных революций, но и кое в чем их обогнали, особенно в социальной сфере. Тем самым они создали у себя условия для быстрого развития в XX веке.

Литература

1. История Дании с древнейших времен до начала XX века / Е.А. Мельникова и др. М., 1996.
2. История Дании: XX век / отв. ред. Ю.В. Кудрина, В.В. Рогинский. М., 1998 г.
3. История Норвегии: от викингов до наших дней / Р. Дониальсен и др. М., 2003.
4. Красавцев Л.Б. История государства и права стран Северной Европы : учеб. пособие. Архангельск : Поморский университет, 2011.
5. Красавцев Л.Б. Государство всеобщего благоденствия: теория и практика — шведская модель развития // Социальное и пенсионное право. 2007. № 2. С. 47–48.
6. Мелин Я., Юхансон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М., 2002.

Особенности становления суда присяжных в дооктябрьской России

*Сахапов Ринат Раисович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Набережночелнинского института (филиала)
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
Rentsakhapov@yandex.ru*

Данная статья посвящена анализу становления в России одного из демократических институтов — суда с участием присяжных заседателей и является продолжением серии публикаций, посвященных истории суда присяжных в России. В работе анализируются предпосылки образования суда присяжных, основные нормативные правовые акты, в которых отражается правовое положение присяжных заседателей во второй половине XIX в.*

XIX век является судьбоносным в вопросах реформирования судебной власти и в вопросе о судебных заседателях. 20 ноября 1864 года вышли в свет Судебные Уставы, ставшие итогом многолетней работы российских процессуалистов и заложившие законодательную основу судебной реформы. В пояснительном Указе Сената, сопровождавшем Судебные Уставы, указывалось, что цель судебной реформы — создать в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и утвердить в обществе уважение к закону.

Ключевые слова: суд, суд присяжных, Судебная реформа 1864 года, Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства, Учреждение судебных установлений.

Features of Formation of a Jury Trial in Pre-revolutionary Russia

*Sakhapov Rinat R.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Naberezhnye Chelny Institute (branch)
of the Kazan (Volga region) Federal University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

This article is devoted to analysis of formation in Russia of one of democratic institutions — the court with participation of jurors, and is a continuation of a series of publications dedicated to the history of trial by jury in Russia. The paper examines the education background of the jury trial, the basic legal acts that reflect the legal status of jurors in the second half of the XIX century.

The nineteenth century is crucial in reforming the judiciary and the issue of judicial assessors. November 20, 1864 was published the legal Statutes, which was the result of years of work by the Russian processualists and laid the legislative basis for judicial reform. In the explanatory Decree of the Senate that accompanied the legal Statutes, it was stated that the goal of judicial reform is to establish a court fast, just, merciful and equal for all subjects, to elevate the judiciary, to give it a proper independence and to establish in society the rule of law.

Key words: court, trial by jury, the Judicial reform of 1864, the Charter of civil proceedings, the Charter of criminal proceedings, Establishment of judicial regulation.

XIX век является судьбоносным в вопросах реформирования судебной власти и в вопросе о судебных заседателях. Уже в первой четверти XIX века М.М. Сперанский, возглавлявший Второе отделение

личной канцелярии царя в 1803 году, в «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» говорил, что судебная власть реализуется системой судов, состоящих из назначаемых

* См., напр.: Сахапов Р.Р. Реализация основных начал уголовного судопроизводства в суде с участием присяжных заседателей на различных стадиях судебного процесса по Судебной реформе 1864 года (с использованием материалов судебной практики Казанского Окружного Суда Казанской губернии) // История государства и права. 2015. № 23. С. 41–46; Сахапов Р.Р. Становление и способы оформления принципов устности, письменности и непосредственности уголовного судопроизводства в дореформенной России (XV — первая половина XIX вв.) // История государства и права. 2014. № 8. С. 33–36; и др.

чиновников и избранных от народа судей «под именем присяжных, произведя важнейшую часть суда...»¹.

«Первые зачатки судебной реформы относятся к началу сороковых годов, — писал Г.А. Джаншиев. — В 1832 году окончена была предпринятая гр. Сперанским работа по приведению в известность и по систематизации всего старого и действующего русского законодательства. Результатом этой работы было издание Полного Собрания Законов и Свода Законов. Вслед за этим возникла мысль об улучшении уголовного процесса...»².

Отправным началом для подготовки судебной реформы М.Г. Коротких считает 15 ноября 1857 года — день, когда в Государственный совет был внесен проект реорганизации гражданского судопроизводства³, а Б.В. Виленский отправной момент переносит на лето 1857 года (проект Устава гражданского судопроизводства с объяснительной запиской Д.Н. Блудова)⁴; Г.А. Джаншиев относит начало судебной реформы к 1848 году; но корни судебной реформы, на наш взгляд, нужно искать в 1843 году, когда Д.Н. Блудов потребовал от судебного ведомства замечаний о главных недостатках действующего судебного законодательства.

В 1845 году появилось Уложение о наказаниях, составленное под руководством Д.Н. Блудова, которое состояло главным образом из старых, но несколько смягченных уголовных законов. Сам граф Блудов называл свою кодификацию усовершенствованным сводом. Издание Уложения о наказаниях 1845 года стало поводом для начала работы по совершенствованию гражданского и уголовного процесса. Однако о необходимости полного переустройства и дезинфекции прогнившего насквозь здания

старого суда, известного всем своей чудовищной продажностью и бесконечной волокитой, никто и не думал.

В 1847 году по поручению императора Блудовым разработан первый проект реформы, результатом признания значимости и актуальности которого явилось в 1850–1852 годах Высочайшее повеление об учреждении при Втором отделении комитетов по выработке принципов новых Судебных уставов. С воцарением Александра II комитет изменил направление своей деятельности в связи с «общественным умственным подъемом», и только в 1857 году Блудов представил в Государственный Совет новый проект, который впоследствии подвергся различным изменениям, но автор заложил в нем основы будущей реформы.

Во второй половине XIX века реформировать государственный механизм юстиции было невозможно без отмены крепостного права.

Фактически руководство судебной реформой перешло к В.П. Буткову и его главному сотруднику С.И. Зарудному, при активном участии известных юристов Н.А. Буцковского, Н.И. Стояновского, Д.А. Ровинского, К.П. Победоносцева, А.М. Плавского и чиновников государственной канцелярии П.Н. Даневского, С.П. Шубина и А.П. Вилинбахова. Все они были не только талантливыми юристами, но и широко образованными людьми: Зарудный и Буцковский имели математическое образование, Ровинский — ученый, писатель, почетный член Академии художеств. Привлечение к делу юристов, т.е. специалистов права, а не просто чиновников-законоведов свидетельствовало о том, что в официальных сферах новое начало, юридическая наука, право, сделало серьезное завоевание на счет и в ущерб традиционной табели о рангах и законоведению.

Складывавшиеся буржуазные отношения объективно требовали построенного на принципах буржуазного (европейского) правосудия судоустройства и судопроизводства, аналогов которому на тот период Российское государство не имело.

Основные положения реформы разрабатывались при непосредственном руководстве самого С.И. Зарудного. Н.А. Буцковский разработал проект уголовного судопроизводства; К.П. Победоносцев — судоустройства; Н.И. Стояновский — предварительного расследования, а Д.А. Ровинский — положение о суде присяжных и мирных судьях.

¹ См.: Сперанский М.М. План государственных преобразований с приложением «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» / М.М. Сперанский. М.: типолитография т-ва И.Н. Кушнерев и К. Пимен, 1905. С. 179.

² См.: Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы: сборник статей / Г.А. Джаншиев. М.: Статут; РАП, 2004. С. 37.

³ См.: Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа в 1864 году в России / М.Г. Коротких. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. С. 41.

⁴ См.: Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России / Б.В. Виленский. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1969. С. 33.

«Основные положения», разработанные комиссией, были представлены монарху и по его повелению переданы на рассмотрение соединенных департаментов, членами которых являлись П.П. Гагарин, Ф. Литке, И.М. Толстой, А.В. Кочубей, А.С. Норов, А.Л. Гофман, М.А. Корф, Н.А. Муханов. По особому повелению присутствовал министр юстиции В.Н. Панин, Н.И. Бахтин. Также были приглашены в качестве экспертов составители проекта, высшие сановники, интересы чьих ведомств затрагивались принятием тех или иных институтов. Обсуждение «Основных положений» проходило с 28 апреля по 30 июля и со 2 по 4 сентября 1862 года.

23 июня 1862 года рассмотрели судопроизводство по делам о государственных преступлениях. По проекту предлагалось ввести суд присяжных по этой категории дел. Эту идею активно поддержали М.А. Корф, Н.И. Бахтин, Ф. Литке. Панин не согласился, предложив ведение следствия по государственным преступлениям двум сенаторам. Признается «полезность суда присяжных в политических делах» для гарантии подсудимых. Но гарантии «необходимы и для общества», присяжные не имеют качеств для сохранения общественного порядка⁵.

Обсуждение участия присяжных заседателей по делам политическим продолжалось 27 и 30 июня 1862 года, и в результате вместо присяжных учредили суд сословных представителей. 29 сентября 1862 года «Основные положения преобразования судебной части в России» были утверждены монархом с предписанием опубликовать в печати. Обнародование судебной реформы подтверждало политику гласности в государственных преобразованиях и означало реальность подготовки судебной реформы.

20 ноября 1864 года вышли в свет Судебные Уставы, ставшие итогом многолетней работы российских процессуалистов и заложившие законодательную основу судебной реформы. В пояснительном Указе Сената, сопровождавшем Судебные Уставы, указывалось, что цель судебной реформы — «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без коего невозможно обществен-

⁵ Цитата по: Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа в 1864 году в России. С. 120.

ное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего»⁶.

Судебная реформа провозгласила: отделение суда от администрации, которое обеспечивалось несменяемостью судей и судебных следователей; создание сословных судебных органов; равенство всех перед судом; суд присяжных; выборность мировых судей; прокурорский надзор за законностью судопроизводства.

Суд присяжных должен был соединить в себе новые принципы правосудия — состязательность, гласность, устность, свободу внутреннего судебного убеждения, обеспечение обвиняемому права на защиту. Без этого не состоялась бы судебная реформа 1864 года. В итоге суд присяжных был принят Государственным советом единогласно как новый независимый судебный орган.

Учреждение судебных установлений предусматривало создание бессословных судебных учреждений двух типов — общих судов и мировых судов. Система общих судов состояла из окружных судов и судебных палат. Первой инстанцией был окружной суд.

19 октября 1865 г. Высочайшим указом было утверждено «Положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г.», по которому создавалось два судебных округа, куда первоначально вошли десять губерний: Московская, Владимирская, Рязанская, Новгородская, Калужская, Псковская, Тверская, Тульская, С.-Петербургская, Ярославская⁷. К 1898 г. в стране действовало 87 окружных судов, из них 64 — с присяжными, в 1908 г. — 98 окружных судов, из них 64 — с присяжными, в 1910 г. — 106 окружных судов, из них 74 — с присяжными.

Основными звеньями общих судебных установлений были окружные суды, судебные палаты и Правительствующий сенат.

Окружные суды создавались в специальных судебных округах. Окружной суд состоял из гражданского и уголовного отделений, а уголовное отделение, в свою очередь, делилось на две части: коронный суд и суд присяжных заседателей. В заседаниях участво-

⁶ Именной Указ данный Сенату. Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах // ПСЗ Российской империи. Собрание 2-е. Т. 39. Отделение второе. 1864. СПб., 1867. С. 180.

⁷ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. Петроград : Сенатская тип., 1914. Т. 1. С. 23.

вали три коронных судьи (председатель и два члена).

К основному полномочию окружных судов относилось рассмотрение уголовных и гражданских дел по первой инстанции.

Суд с участием присяжных заседателей — прогрессивное явление для того времени. Он считался лучшей формой суда, т.к. обеспечивал привлечение к отправлению представителей народа.

Кандидаты в присяжные заседатели отбирались специальными комиссиями и утверждались губернатором. Они должны были отвечать имущественному цензу, цензу оседлости и т.д. Закон оговаривал, что ни учителя школ, ни лица, находящиеся в услужении у частных лиц, в списки не вносятся.

При рассмотрении конкретных дел этот суд состоял из трех судей и 12 присяжных заседателей. Роль присяжных заседателей была довольно ограничена. Председатель суда ставил перед ними вопрос о виновности подсудимого. Присяжные должны были ответить на вопросы коронного суда (т.е. вынести вердикт о виновности или невиновности подсудимого). Приговор окружного суда с участием присяжных заседателей считался окончательным и мог быть обжалован (или опротестован прокурором) только в кассационном порядке в Сенат по признаку формального нарушения процессуального закона. Закон подробно определял все стадии рассмотрения дел в окружном суде, права сторон (и их равенство в процессе), порядок ознакомления с доказательствами и их оценки (суд должен был оценивать доказательства свободно, по внутреннему убеждению, основанному на обстоятельствах дела).

После утверждения 19 октября 1865 г. Высочайшим указом «Положения о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г.» было создано два судебных округа: 1) Московский и 2) Санкт-Петербургский, куда первоначально вошли следующие губернии: в первый — Московская, Владимирская, Рязанская, Тверская, Тульская, Ярославская, во второй — Санкт-Петербургская, Псковская и Новгородская. Формирование Московского судебного округа завершилось только к 1874 г., когда в его состав вошла Вологодская губерния, до этого в 1869 г. к нему была присоединена Нижегородская губерния, в 1870 г. — Смоленская и в 1871 г. — Костромская. В 1867 г. был открыт Харьковский судебный округ, в

1869 г. — Одесский, в 1870 г. — Казанский и в 1871 г. — Саратовский.

Первый период истории отечественного суда присяжных фактически совпал со временем становления института присяжных заседателей в названных шести округах. В одних губерниях (например, Нижегородской) оно проходило быстрее, в других — медленнее. Тем не менее можно говорить о том, что процесс организационного и социально-психологического становления суда присяжных в ряде судебных округов завершился к концу 70-х годов XIX в. Что касается некоторых других округов, то открытие окружных судов и становление в них суда присяжных длилось до конца XIX века⁸.

Особенностями созданного суда присяжных в России являются следующие: во-первых, сохраняется смешанная форма процесса; при которой предварительное следствие организовано инквизиционным образом, ведется негласно и без ознакомления обвиняемого со всеми уликами до завершения всех следственных действий; во-вторых, отечественное судебное разбирательство, в отличие от англосаксонского, не распадается на два отдельных друг от друга несколькими месяцами этапа: постановление вердикта и вынесение приговора; наказание определяется судьей в том же процессе, хотя и без участия присяжных заседателей; в-третьих, обвиняемый может выбирать между традиционным производством и судом присяжных; в-четвертых, российский присяжный в своих выводах не ограничен жестко напутствием председательствующего, поскольку решает лишь вопросы факта и виновности⁹.

Указ от 20 ноября 1864 г. — величайшее в истории российского права, и уголовного судопроизводства в особенности, событие, в результате которого были приняты и утверждены Положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года, Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Но самое главное событие — это введение суда присяжных — центрального звена не только судебной системы, но и всей Российской империи в целом.

⁸ См.: Демичев А.А. Периодизация истории суда присяжных в России / А.А. Демичев // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 138.

⁹ Пашин С.А. Судебная реформа и суд присяжных / С.А. Пашин. М.: Изд-во РПА МЮ РФ, 1995. С. 47.

Литература

1. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России / Б.В. Виленский. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1969. 400 с.
2. Демичев А.А. Периодизация истории суда присяжных в России / А.А. Демичев // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 137–150.
3. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы : сборник статей / Г.А. Джаншиев. М. : Статут; РАП, 2004. 316 с.
4. Именной Указ данный Сенату. Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах // ПСЗ Российской империи. Собрание 2-е. Т. 39. Отделение второе. 1864. СПб., 1867.
5. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа в 1864 году в России / М.Г. Коротких. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 185 с.
6. Пашин С.А. Судебная реформа и суд присяжных / С.А. Пашин. М. : Изд-во РПА МЮ РФ, 1995. 76 с.
7. Сахапов Р.Р. Реализация основных начал уголовного судопроизводства в суде с участием присяжных заседателей на различных стадиях судебного процесса по Судебной реформе 1864 года (с использованием материалов судебной практики Казанского Окружного Суда Казанской губернии) // История государства и права. 2015. № 23. С. 41–46.
8. Сахапов Р.Р. Становление и способы оформления принципов устности, письменности и непосредственности уголовного судопроизводства в дореформенной России (XV — первая половина XIX вв.) // История государства и права. 2014. № 8. С. 33–36.
9. Сперанский М.М. План государственных преобразований с приложением «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» / М.М. Сперанский. М. : Типолитография т-ва И.Н. Кушнерев и К. Пимен, 1905. 190 с.
10. Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. Петроград : Сенатская тип., 1914. Т. 1. 786 с.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ» —
ЭТО ЛИДЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ
В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ, КОТОРАЯ ОБЪЕДИНЯЕТ
БОЛЕЕ 60 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
ПО РАЗНЫМ ОТРАСЛЯМ ПРАВА

Признаки государственной власти и принципы ее организации в учении П. Е. Казанского

*Еньшина Елена Николаевна,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Белгородского университета кооперации, экономики и права
kaf-tigr@buket.ru*

В статье анализируются взгляды П.Е. Казанского на принципы организации государственной власти. Казанский был сторонником теории единства и неделимости государственной власти, источником которой выступает божественная воля и объективная, природная потребность в ней. Единство власти, по его мнению, не исключало разделения ее проявлений. Важнейшими признаками государственной власти П.Е. Казанский считал верховенство, неограниченность и самодержавие. Соотношение понятий «суверенитет», «самодержавие» и «верховенство» привело ученого к выводу, что суверенитет юридический выражается термином «верховенство», а суверенитет фактический — термином «самодержавие».

Ключевые слова: П.Е. Казанский, принципы организации государственной власти, теория разделения властей, принцип единства государственной власти, признаки государственной власти, верховенство, самодержавие, суверенитет.

Signs of the State Power and Principles of its Implementation in the Doctrine of P.E. Kazanskiy

*Enshina Elena N.,
Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*

The article analyzes the views of P.E. Kazanskiy on the principles of organization of state power. Kazanskiy was a proponent of the theory of unity of state power, the source of which is divine will. Unity of government, in his opinion, did not rule out the separation of its manifestations. Important features of state power P. E. Kazanskiy considered the rule, unrestricted and autocracy. The relationship between the concepts of "sovereignty", "sovereignty" and "supremacy" has led scientist to the conclusion that the legal sovereignty is expressed by the term "rule" and actual sovereignty — the term "autocracy".

Key words: P.E. Kazanskiy, the principles of organization of state power the theory of separation of powers, the principle of unity of state power, the signs of state power, rule, monarchy, sovereignty.

Имя Петра Евгеньевича Казанского в юридической науке чаще всего связывают с международным правом, и это вполне объяснимо. Магистерская и докторская диссертации ученого были посвящены международно-правовой проблематике; работы Казанского внесли существенный вклад в развитие мировой науки международного права; большая часть его профессиональной педагогической биографии связана с преподаванием международно-правовых дисциплин в Казанском и Новороссийском университетах. Вклад П.Е. Казанского в науку международного права активно исследуется, о чем, в частности, свидетельствуют международные научно-практические чтения по международному праву, посвященные памяти П.Е. Казанского. С 2010 г. они ежегодно проводятся на базе Одесской национальной юридической академии (бывший Императорский Новороссийский уни-

верситет), где ученый работал профессором кафедры международного права с 1896 по 1919 г.

Однако помимо несомненного значения исследований П.Е. Казанского для развития международно-правовой науки, значителен вклад ученого в становление отечественной науки государственного права. Отсутствие интереса к государственно-правовым идеям П.Е. Казанского связано прежде всего с его политическими взглядами, нашедшими отражение в трудах ученого, которые сегодня, по мнению некоторых исследователей, потеряли актуальность. Петр Евгеньевич был убежденным монархистом, именно он в начале XX в. написал и в 1913 г. издал самый масштабный труд, посвященный анализу юридических аспектов власти российского императора, синтезировав, по справедливому выражению М.Б. Смолина, всю отечественную политико-правовую

доктрину в «единую философию права русского Самодержавия»¹.

Упразднение монархии, прекращение существования Российской империи, исчезновение из официальной юридической терминологии термина «самодержавие» предопределили потерю исследовательского интереса к работам П.Е. Казанского по государственному праву, посвященным анализу принципов организации властвования в Российской империи.

Хотелось восстановить историческую справедливость, обратившись к некоторым аспектам творческого наследия П.Е. Казанского, представляющим в настоящее время несомненный научный интерес; прежде всего речь идет о теории государственной власти и принципах ее организации.

В современной юридической науке нет единства мнений относительно перечня и классификации принципов организации государственной власти. Однако ни одно современное исследование, посвященное данной проблеме, не исключает из их числа принципа разделения властей. Отчасти это вызвано «конституционным переворотом», произошедшим в нашей стране в 90-е гг. XX в. и провозгласившим ключевым принципом демократического правового государства принцип разделения властей. Отечественная доктрина государственного права, для советского периода которой была характерна идея единства власти, стала склоняться к идее ее разделения. При этом принцип разделения властей порой толковался весьма вульгаризированно, как механическое разделение государственной власти на три ветви (законодательную, исполнительную и судебную). Однако в последнее десятилетие все чаще в российской науке стали появляться новые интерпретации принципа и иные трактовки оптимального способа организации власти в правовом государстве. Особый интерес в контексте рассматриваемой темы представляют исследования, посвященные соотношению принципов единства и разделения государственной власти. Так, например, А.И. Хорошильцев рассматривает эти принципы как парные, сбалансированность которых обеспечивает устойчивость государственной власти²;

¹ Смолин М.Б. Путь имперского юриста // Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007. С. 5.

² Хорошильцев А.И. Государственная власть и принципы ее организации в демократическом

Р.М. Рустамов отмечает, что развитие государственности возможно лишь при обеспечении единства государственной власти при разделении властно-управленческих функций³; С.В. Нарутто именно принцип единства системы государственной власти считает «цементирующим началом федерализма», «его унитарной компонентой, сдерживающей дезинтеграцию»⁴. При этом ключевую идею единства власти современные ученые базируют на конституционной норме о принадлежности власти народу как единому субъекту (п. 1. ст. 3 Конституции РФ) и приходят к выводу, что логичнее вести речь «не о разделении властей, а о разделении функций (компетенции, сфер деятельности и полномочий) различных государственных органов»⁵. Однако мало исследователей обращается к историографии проблемы, хотя идея единства государственной власти при разделении компетенций и пр. далеко не нова. Одной из оригинальных правовых теорий явилась концепция П.Е. Казанского о единстве самодержавной государственной власти и ее проявлениях в различных сферах государственного управления.

Главный труд, посвященный системе государственного властвования, П.Е. Казанский писал в период реформирования основ государственного строя Российской империи. После первой русской революции и издания манифеста 17 октября 1905 г. и Основных Законов 23 апреля 1906 г. в академической среде развернулась дискуссия о юридической природе постреволюционных преобразований. В своей монографии П.Е. Казанский дал комплексный анализ различных точек зрения и представил свою концепцию верховной власти в России и принципов ее организации.

обществе (теоретико-правовое исследование) : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2002. С. 11.

³ Рустамов Р.М. К вопросу о реализации принципов единства государственной власти и разделения властей в Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 40 (257). С. 109.

⁴ Нарутто С. В Теоретико-правовые проблемы конституционного принципа единства системы государственной власти Российской Федерации // Правоведение. 1999. № 4. С. 27.

⁵ Косов Р.В. Пределы власти (история возникновения, содержание и практика реализации доктрины разделения властей). Тамбов, 2005. С. 21; Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М. : Проспект, 2001. С. 299.

П.Е. Казанский исходил из идеи единства и неделимости государственной власти. В России анализируемого им периода она принадлежала императору. Ученый дал глубокое юридическое обоснование имперской власти и анализ ее метафизики.

Статья 4 Свода Законов Российской империи устанавливала, что верховная власть принадлежит императору, а повиноваться ей «не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает»⁶. Давая доктринальное толкование данной статье, П.Е. Казанский доказывал, что метафизика власти коренится не в идее санкционирования или делегирования, а имеет божественную первооснову. При этом изменения в организации властвования в России, ставшие результатом реформы 1906 г., П.Е. Казанский толковал как акт доброй воли императора, не приведший к трансформации идеи верховенства монархической власти, основными свойствами (принципами) которой в России П.Е. Казанский считал неограниченность и самодержавие.

По мнению Петра Евгеньевича, верховная власть всегда и везде является неограниченной, но по-разному организованной. Научные споры об ограничении власти императора в России после первой русской революции возникли в связи с исчезновением термина «неограниченность» из текста Свода Законов издания 1906 г. В старой редакции (редакции Свода законов 1832 г.) эта статья гласила: «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный». В редакции 1906 г. власть императора названа «верховой» и «самодержавной». Нововведение было выражено следующим образом: «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть», вторая часть статьи оставалась прежней: «Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает» (ст. 4 Свода Законов издания 1906 г.).

Ряд исследователей, в частности, Н.А. Захаров и М.Н. Коркунов, полагали, что предикаты «неограниченный» и «верховный» на языке Свода — синонимы⁷. П.Е. Казанский занимал близкую позицию, отмечая, однако, что эти термины не тождественные, а родственные. Он разделял мнение В.Д. Каткова, что «Верховная Власть, по самому существу

этого понятия, не ограничена юридически, ибо если бы она была юридически ограничена, она не была бы Верховной властью — верховной была бы власть ограничивающая»⁸.

Само по себе отсутствие в законе ссылки на неограниченность власти отнюдь не свидетельствовало об ином объеме определения власти монарха. Указание на самодержавный характер власти, с позиции П.Е. Казанского, уже предполагало, что она ничем и никем не ограничена⁹. Анализ четвертой статьи привел ученого к выводу, что принадлежащая императору «власть верховна, самодержавна и имеет божественное освящение»¹⁰. Каждое из этих характеристик: «верховенство», «неограниченность» и «самодержавие» составляет, по мнению ученого, признаки государственной власти¹¹.

Первым признаком верховной власти П.Е. Казанский считал верховенство, в юридическом смысле предопределяющее единство государственной власти, которая при любом политическом принципе (демократическом, аристократическом или монархическом) проявляется в различных сферах: правообразующей, административной и судебной.

Единство власти, по его мнению, не исключало разделения ее проявлений. Государственная власть, считал он, имеет три особых проявления (стихии): «1) верховное управление, 2) подчиненное управление и 3) законодательство»¹². Верховное управление осуществляется непосредственно императором, а подчиненное вверяется «местам и лицам», действующим от имени императора. Казанский разделял мнение Н.М. Коркунова, что подчиненное управление «уполномочивается лишь на осуществление определенных задач управления в пределах, установленных актами верховного управления»¹³. В целом же государственное управление имеет три функции: «за-

⁸ Катков В.Д. О власти русского Императора и ее недругах // Русская речь. 1912. № 1870.

⁹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. Одесса, 1913. С. 524.

¹⁰ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007. С. 339.

¹¹ Там же. С. 340.

¹² Там же. С. 54.

¹³ Коркунов М.Н. Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1909. С. 324; Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007. С. 55.

⁶ URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/169/12.html>

⁷ Коркунов М.Н. Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1909. С. 213.

конодательство, администрация и суд»¹⁴. Все три «стихии», известные российскому державному праву, включают в себя, по мнению Казанского, «каждая в особой комбинации, и правообразование, и исполнительную власть, и судебную»¹⁵. Ученый разделял мнение Л.А. Тихомирова, что верховная власть, «как единственная универсальная», сохраняет «в себе все функции (законодательную, судебную, исполнительную)»¹⁶. В верховенстве монархической власти П.Е. Казанский, наряду с Л.А. Тихомировым, В.Д. Катковым, Н.А. Захаровым и др., видел оплот единства государства и средство слаженной работы механизма государства.

Проявлением верховенства власти и ее суверенности выступает «право чрезвычайных надправовых решений», когда обычный юридический порядок, установленный в государстве, «оказывается не достигающим цели»¹⁷. Это право Казанский считал высшей формой проявления ответственности власти. Он разделял мнение В.Д. Каткова, что «абсолютизм, как свобода власти в своих решениях, в скрытом виде присущ всякой верховной власти. Это последняя мера в руках каждого главы государства: монарха или президента»¹⁸.

Идеи русских правоведов о праве власти на принятие надправовых решений близки децизионистской доктрине немецкого мыслителя Карла Шмитта, утверждавшего, что суверен тот, «кто принимает решения о чрезвычайном положении»¹⁹, а чрезвычайное положение — это «приостановление действия всего существующего порядка»²⁰. Немецкий правовед полагал, что чрезвычайное положение предпочтительнее хаоса и анархии, это все же порядок, хотя и не правопорядок. «В исключительном случае государство приостанавливает действие права в силу ... права на самосохранение»²¹. Идеи Шмитта

в российской науке государственного права помимо П.Е. Казанского разделяли Л.А. Тихомиров, В.Д. Катков, Н.А. Захаров.

Верховенство власти, считал П.Е. Казанский, предполагает и ее неограниченность. Сторонников идеи юридической неограниченности верховной власти в отечественном государствоведении рассматриваемого периода было немало. Так, А.С. Алексеев в известном курсе «Русское государственное право» писал: «Верховная власть во всех государствах одинакова, везде она является неограниченной, но не во всех государствах она одинаково организована. В одних государствах верховными органами являются коллегии, как в республиках, в других — отдельное лицо, как в монархиях»²². При этом юридическая неограниченность императорской власти отнюдь не дает монарху права на произвол. «Юридическая неограниченность, — отмечал П.Е. Казанский, — ... не означает произвольности, не означает фактической неограниченности»²³.

Пределы императорской власти следует искать не в правовой сфере, а в духовной: «в национальных стремлениях русского народа и его религиозно-нравственных идеалах»²⁴. При этом рассмотрение вопроса о неправомерной ограниченности верховной власти Казанский считал не только важной философской, но значимой юридической проблемой. Право, считал он, «есть творение национальной жизни народа» и «граничит с религиозно-нравственными установлениями»; не юридические формулы и право в целом выступают главными регуляторами социальных отношений, «основанием и двигателем жизни», а «национальное самосознание, религия и нравственность»²⁵. Назначение власти давать народу не только гарантии права, «но и правды и справедливости»²⁶.

Важнейшим признаком верховной власти П.Е. Казанский считал самодержавие. В современной учебной литературе самодержавие чаще всего определяют как специфическую форму абсолютной монархии, характерную для России. Нельзя не согласиться с Е.В. Сафроновой, что такое толкование является «упрощенным и значительно разнится

¹⁴ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007. С. 59.

¹⁵ Там же. С. 59.

¹⁶ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 214.

¹⁷ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007. С. 345.

¹⁸ Катков В.Д. О русском самодержавии. Харьков, 1906. С. 16.

¹⁹ Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете // Политическая теология. М., 2000. С. 15.

²⁰ Там же. С. 25.

²¹ Там же. С. 26.

²² Алексеев А.С. Русское государственное право. М., 1892. С. 174.

²³ Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора. М., 2007. С. 440.

²⁴ Там же. С. 441.

²⁵ Там же. С. 441.

²⁶ Там же. С. 474.

с тем смыслом, который вкладывали в него отечественные правоведы второй половины XIX — начала XX века»²⁷.

В отечественном государствоведении конца XIX — начала XX века самодержавие скорее рассматривалось как синоним понятия «суверенитет», т.е. верховенство и независимость. Так, профессор Н.И. Палиенко отмечал, что «самодержавие» в нормативно-правовых актах Российской империи означает «не абсолютизм, неограниченность власти, а идею верховенства»²⁸.

Первым, кто дал комплексный (семасиологический, историко-правовой и теоретико-правовой) анализ категории «самодержавие», был П.Е. Казанский.

Исследуя зарождение и развитие дефиниции «самодержавие» в законах России, Казанский доказал, что это понятие появилось раньше его официального принятия как титула Московских государей. Смысл корней, входящих в состав этого слова, «сам» и «держу», определяет и лексическое значение слова — «обладание властью в силу собственного могущества»²⁹.

П.Е. Казанский проанализировал различные теории толкования понятия «самодержавие», которые существовали в современной ему науке государственного права, и установил, что признаками самодержавия как правовой дефиниции чаще всего называются «верховенство», «неограниченность», «независимость», «единодержавие». По его мнению, все эти термины, кроме единодержавия, можно использовать для определения. Нельзя только, писал он, «придавать выражению «самодержавия» смысл единодержавия»³⁰. Использование названных терминов допустимо не в качестве синонимов слова «самодержавие», а в качестве признаков дефиниции. П.Е. Казанский проанализировал подходы к определению самодержавия «в смысле абсолютизма» и «в смысле суверенитета» и пришел к выводу, что ни один из них не раскрывает богатого содержания этого понятия.

В теории Казанского самодержавие — это основа государственного строя, высшая фактическая мощь в стране³¹. Самодержавная власть «не может не быть верховной и неограниченной», т.к. она «должна представлять полноту власти». Верховной она является «потому, что она есть господствующая сила», неограниченной — «потому, что нет ни высшей ее силы, ни равной с ней»³².

Выводы П.Е. Казанского базировались на аксиоме, что государственная власть и самодержавие имеют божественный источник, эта власть самородна и неделегирована. К слову сказать, в современной российской юридической литературе стали появляться работы, которые источником государственной власти определяют божественную волю и объективную, природную потребность в них³³.

П.Е. Казанский подчеркивал, что смысловое содержание понятия «самодержавие» богаче чисто юридического. Государственная власть никем не делегируется и ничем юридически не ограничивается. Ограничение власти возможно лишь в аспекте самоограничения, базирующегося, как отмечалось выше, на религиозно-нравственных идеалах народа и его национальных стремлениях.

Важным для современной теории права, на наш взгляд, выступает анализ соотношения терминов «самодержавие» и «суверенитет». Французское слово «суверенитет» не находило отражения в дореволюционных нормативно-правовых актах и использовалось только в доктрине, зачастую как синоним слова «самодержавие». В отечественной науке была теория, рассматривающая самодержавие в смысле понятия «суверенитет», предложенного в XVI в. французским ученым Жаном Боденом. П.Е. Казанский считал допустимым переводить «русское выражение «самодержавие» иностранным словом «суверенитет», но только в том случае, если под суверенитетом имеется «в виду не юридическое свойство Императорской власти, а фактически принадлежащее ей историческое могущество»³⁴. Однако в западной юриспруденции начала XX в. суверенитет уже толковался как лишь юридическое верховенство в пределах государственной тер-

²⁷ Сафронова Е.В., Каськова Н.В. «Самодержавие», «верховенство» и «суверенитет»: терминологическое соотношение в отечественном государствоведении конца XIX — начала XX в. // Проблемы права. 2014. № 4. С. 88.

²⁸ Палиенко Н.И. Основные законы и форма правления в России. Харьков, 1910. С. 74.

²⁹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007. С. 501.

³⁰ Там же. С. 525.

³¹ Там же. С. 534, 528.

³² Там же. С. 517.

³³ Иванов В. Теория государства. М., 2010. С. 30–31.

³⁴ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007. С. 519.

ритории и независимость в международных отношениях. Самодержавие же, считал П.Е. Казанский, означает не столько юридические, сколько фактические верховенство и независимость.

Лексическое и теоретико-правовое соотношение понятий «суверенитет», «самодержавие» и «верховенство» привело ученого к выводу, что суверенитет юридический выражается термином «верховенство», а суверенитет фактический — термином «самодержавие». Понятие суверенитета фактического, писал он, «в русском языке гениально выражено словом «самодержавие»³⁵. «Государство, — заключал он, — без фак-

тического суверенитета существовать не может»³⁶.

Теория П.Е. Казанского о единстве самодержавной государственной власти и ее проявлениях в различных сферах государственного управления сегодня представляется весьма востребованной. Нельзя не согласиться с профессором М.Б. Смолиным, что работа Казанского «Власть Всероссийского Императора», как величайший столп философии русской государственности, должна стать настольной книгой «у всякого любящего и изучающего русскую государственность»³⁷.

³⁵ Там же. С. 408.

³⁶ Там же. С. 535.

³⁷ Смолин М.Б. Путь имперского юриста // Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 2007. С. 19.

Литература

1. Алексеев А.С. Русское государственное право. М. : Тип. А.А. Гатцуга, 1892. 473 с.
2. Иванов В. Теория государства. М. : Территория будущего, 2010. 272 с.
3. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. Одесса : Типография «Техник», 1913. XL, 960 с.
4. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М. : Издательство «ФондИВ», 2007. 600 с.
5. Катков В.Д. О русском самодержавии // Харьковские губернские ведомости. 1906. С. 24–25.
6. Катков В.Д. О власти русского Императора и ее недругах // Русская речь. 1912. № 1870.
7. Коркунов М.Н. Русское государственное право. Т. 1. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1909. 630 с.
8. Косов Р.В. Пределы власти (история возникновения, содержание и практика реализации доктрины разделения властей). Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. 176 с.
9. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М. : Проспект, 2001. 656 с.
10. Нарутто С.В. Теоретико-правовые проблемы конституционного принципа единства системы государственной власти Российской Федерации // Правоведение. 1999. № 4. С. 27–34.
11. Палиенко Н.И. Основные законы и форма правления в России. Харьков: Издательство: тип. «Печатник», 1910. 78, 2 с.
12. Рустамов Р.М. К вопросу о реализации принципов единства государственной власти и разделения властей в Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 40 (257). С. 109–111.
13. Сафронова Е.В., Каськова Н.В. «Самодержавие», «верховенство» и «суверенитет»: терминологическое соотношение в отечественном государствоведении конца XIX — начала XX в. // Проблемы права. 2014. № 4. С. 87–91.
14. Смолин М.Б. Путь имперского юриста // Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М. : Издательство «ФондИВ», 2007. С. 5–20.
15. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М. : Университетская типография на Страстном бульваре, 1905. 338 с.
16. Хорошильцев А.И. Государственная власть и принципы ее организации в демократическом обществе (теоретико-правовое исследование) : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2002. 23 с.
17. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете // Политическая теология. М., 2000. М. : Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 98 с.

Организация государственного управления Казанским царством: основные принципы и особенности

*Валиев Рафаиль Газизуллович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат политических наук, доцент
raf.val.111@yandex.ru*

В порядке актуализации регионального аспекта в структуре общероссийской истории анализируется практика организации системы местного и центрального государственного управления средневековым Поволжьем. Постулируется тезис о том, что созданная в чрезвычайных условиях система управления средневековым регионом была закономерно обусловлена региональной спецификой и явилась механизмом преодоления общественно-политической напряженности на пути становления и укрепления Российской империи как многонационального государства. В контексте анализа факторов формирования системы государственного управления выявлены ее характерные особенности и принципы функционирования.

Ключевые слова: многонациональная история России, средневековая история Среднего Поволжья, Иван IV (Грозный), Казанское царство, государственное управление.

Organization of Public Administration of Kazan Kingdom: Main Principles and Features

*Valiev Rafail G.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Kazan (Volga region) Federal University,
Doctor of Political Science, Assistant Professor*

As updating of regional aspect in structure of the all-Russian history the practice of organization of system of local and central public administration in medieval Central Volga area is analyzed. The thesis that the control system of the medieval region created in extraordinary conditions was naturally caused by regional specifics and was the overcoming mechanism of social and political tension on the way of formation and strengthening the Russian Empire as a multinational state is postulated. In the context of analysis of factors of formation the system of public administration its characteristics and the principles of functioning are revealed.

Key words: multinational history of Russia, medieval history of Central Volga area, Ivan IV (Grozny), Kazan kingdom, public administration.

Актуальность темы. Русский историк И.Е. Забелин отмечал, что «каждая местность имеет самостоятельный, своеобразный смысл... Раскрыть и надлежащим образом осветить этот смысл может только история этой местности»¹. Без учета региональных особенностей невозможно до конца понять не только уникальность того или иного региона России, но и цивилизационное своеобразие общероссийской исто-

рии. Представляется, что именно такой подход может стать методологической основой полноценной конфигурации общероссийской истории, основанной на инкорпорации историографии российских регионов². Значение обозначенного подхода можно проследить на основе изучения воеводского управления, созданного царем Иваном IV во второй половине XVI века в пределах территории Казанского царства³. «Тот факт, что

¹ Цит. по: Шпилевский С.М. О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии и о возможном содействии обществу со стороны жителей местного края // Известия общества археологии, истории и этнографии. Т. 3. 1880–1882 гг. Казань: Типография императорского университета, 1884. С. 29.

² Более подробно об этом см.: [1].

³ Широкий круг исторических источников, относящихся к изучению воеводского управления, актуализирован профессором И.П. Ермолаевым в рамках подготовленной им монографии [3], ставшей базовой историографической основой настоящего исследования.

такая форма появилась впервые в Поволжье и Приуралье, делает историю этого региона чрезвычайно значимой в политическом развитии Российского многонационального государства»⁴. Геополитическое значение воеводского управления в процессе формирования Российской империи как многонационального государства еще по достоинству не оценено отечественной исторической наукой⁵. А между тем именно этот институт опосредовал формирование Российской империи как многонационального государства⁶. Здесь, на территории Среднего Поволжья, были впервые актуализированы принципы уникальной системы администрирования, позволившей правительству Ивана IV не только закрепиться, но и противостоять повстанческим выступлениям не только в завоеванном Казанском ханстве, но и крестьянским мятежам в центральных районах формирующейся Российской империи, а также при колонизации Сибири⁷. Представляется, что именно в таком аспекте может быть оценена роль личности Ивана IV, Грозного, которая значится в Примерном перечне «трудных вопросов истории России».

Анализ проблемы. Формальное включение Среднего Поволжья в состав русского государства выдвинуло перед царем Иваном IV ряд важнейших задач, обусловивших основные направления и принципы правительственной политики в этом регионе. Одной из основополагающих задач царского престола после взятия Казани явилось создание эффективной системы государственного управления Казанским царством. От решения указанной задачи во многом зависело осуществление мероприятий по укоренению здесь русских переселенцев и ор-

ганизации системы феодальных отношений русского государства. Однако прежде было необходимо окончательно закрепить за царской властью территорию мятежного края и распространить власть царя на население присоединенного в лице Казани, но еще не покоренного региона. От этого в немалой степени зависела дальнейшая судьба внешнеполитической экспансии на Востоке в целом. Присоединение территории Казанского ханства со сложившейся здесь системой вековых традиций мусульманской культуры и язычества, было осуществлено в результате завоевания Казани. Провинции же на всем протяжении Среднего Поволжья оставались не завоеванными. Очевидно, что именно геополитическое значение территории бывшего Казанского ханства, официально провозглашенного в качестве Казанского царства, изначально обусловило его особый статус в составе русского государства. «Страна многоплеменного населения... — отмечает Н.Н. Фирсов применительно к Казанскому ханству, — войдя в состав России, осталась оригинальной областью, не похожей во многих отношениях на центр государства»⁸. Социокультурные особенности (языковая и религиозная идентичность) и отсутствие лояльности большинства местного населения иноземному господству создавали сложную политическую обстановку и значительно усложняли государственное управление общественными процессами в этом регионе. Анализ историографических материалов позволяет заключить, что логика и алгоритм действий царя в решении задачи организации государственного управления Казанским царством во многом обуславливались сложными историческими условиями, сложившимися после завоевания Казани.

Сознательно ограничившись взятием Казани, Иван Грозный не мог не осознавать того факта, что в такой ситуации вводить в Казанском царстве исключительно гражданские (губную и земскую) формы самоуправления бессмысленно. В равной мере нельзя было вводить в Казанском царстве и наместничество с его принципом кормления за счет местного населения. Поборы с завоеванного, но еще не покоренного местного населения могли спровоцировать различные формы протеста. В этой связи воеводы и служилые люди стали обеспечиваться непосредственно из казны, что, на наш взгляд, можно

⁴ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998. С. 17.

⁵ К сожалению, даже в новейшем издании учебника по истории государственного управления в России данному институту также не уделено достойного внимания. См.: Мухаев Р.Т. История государственного управления в России: учебник для бакалавров / Р.Т. Мухаев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2014. 770 с.

⁶ Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / отв. ред. В.В. Трепавлов; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2003. С. 85.

⁷ Солодкин Я.Г. Начало формирования воеводской системы управления в Сибири // История государства и права. 2015. № 4. С. 46.

⁸ Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань, 1921. С. 4.

считать началом профессионализации государственной службы в России. В то же время одна лишь гражданская администрация не могла обеспечить реализацию правительственной политики в условиях противодействия завоеванного, но еще не покоренного местного населения. Очевидно, что это в конечном счете может объяснить решение царя об организации местного управления под властью военных управленцев, так как «концентрация в руках воевод военной и гражданской власти делала эту форму правления наиболее приемлемой в данной ситуации»⁹. В соединении в руках воевод военной и гражданской власти можно усматривать и экономический аспект, так как это позволяло сэкономить средства казны на содержание отдельной военной и гражданской администрации. Полагаем, что к таким соображениям Иван Грозный мог прийти благодаря своему личному участию в осаде и штурме Казани, что позволило не только дать правильную оценку сложившейся здесь чрезвычайной ситуации, но и предвосхитить действенность реализованной им политики.

Таким образом, сложная военная политическая обстановка вынуждала царя создавать для управления Казанским царством особую систему местного управления. Воеводы, статус которых прежде был связан с военным управлением, в Казанском крае обрели административные, полицейские, фискальные, судебные и прочие полномочия, характерные для гражданской администрации. Давая оценку исключительно характеру компетенции воевод, Б.Н. Чичерин вполне обоснованно отмечал, что они «пользовались такими правами, которые в развитом государстве могут принадлежать только центральной власти»¹⁰.

Воеводская система управления была организована на автономии воевод, исключавшей их соподчиненность в отношении друг к другу, что является одной из особенностей данного института. Это позволяло самостоятельно, не дожидаясь указаний и помощи из «центра», обеспечить оперативность действий воевод. В условиях, когда вследствие значительной удаленности Казани от столицы государства отсутствовала возможность

постоянного текущего контроля действий воевод со стороны центральной власти, исключительный объем властных полномочий являлся потенциальной основой всевозможных злоупотреблений. Это обстоятельство, на наш взгляд, во многом объясняет институционализацию краткосрочности замещения должности воевод, которые назначались сроком на один год. По истечении срока полномочий они должны были следовать в Москву и давать отчет царю о своей деятельности. Учреждение принципов краткосрочности и подотчетности деятельности должностных лиц является уникальным явлением для организации государственного управления в условиях феодального строя. Нельзя не отметить прикладное значение данных принципов для организации современной системы государственного управления, в которой занятие чиновных должностей гражданской и государственной службы, к сожалению, не обременено подобными принципами. А между тем в последние годы значительно актуализирована проблема юридической ответственности публичной власти¹¹.

Управление и суд в Казанском царстве осуществлялись по царскому судебнику, уставным грамотам, отдельным царским указам и грамотам¹². Неотъемлемой частью системы управления стали наказные грамоты царя, выдаваемые им при направлении воевод в Казанское царство¹³. Указанные акты содержали «наказную память» — ин-

⁹ Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / отв. ред. В.В. Трепавлов; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2003. С. 85.

¹⁰ Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке / Чичерин Б. М.: Тип. Александра Семена, 1856. С. 261.

¹¹ См., например: Малько А.В., Маркунин Р.С. Место и роль юридической ответственности органов публичной власти в Концепции правовой политики в сфере юридической ответственности // Вектор науки. 2016. № 2 (25). С. 45–48; Склифус С.В. Ответственность публичной власти в Российской Федерации перед населением как один из факторов ее легитимности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 4 (4). С. 44–48.

¹² Наиболее распространенными были наказные, жалованные и ввозные послушные грамоты. Такой вывод следует из обзора источников по истории Казанского края. См.: Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI — середина XVII в.). Тексты и комментарии / И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань: Издательство Казанского университета, 1990. 206 с.

¹³ Данные актовые источники позволяют установить специфику правового регулирования организации и функционирования системы местного управления в данном регионе.

струкцию, определявшую основные задачи и функции воеводы по управлению подведомственной им территорией. Посредством этих грамот осуществлялось назначение в должность и обеспечивалось претворение правительственной политики в различных областях жизни края, население которого необходимо было приобщать к тому порядку общественного развития, который действовал в русском государстве. Эти акты были своеобразным проводником царской воли на местный уровень, на котором законы русского феодального государства не могли действовать непосредственно. Содержание последних преломлялось и реализовывалось на территории Казанского царства посредством именно царских наказных грамот. С учреждением Казанской архиепархии наказные грамоты стали выдаваться и Казанским архиепископам. В соответствии с наказными грамотами воеводам и архиепископам вменялось взаимодействовать в решении поставленных задач, «государевым делом промышлять собча» [11, с. 77].

Система местного управления в Казанском царстве отражала на себе печать региональной специфики, что проявлялось в наличии специальных звеньев и структурных единиц местного управления. Так, для управления делами местного нерусского населения из русских дворян и детей боярских назначались специальные «головы татарские». Государственное управление местным населением было подведомственно специально созданному органу — Татарской судной избе. Существование данного органа — одна из характерных особенностей системы местного управления в Казанском царстве. Это специальное учреждение отражало дуализм местного управления — управление делами местного населения Казанского царства было отделено от управления делами русских переселенцев. Отражением региональной специфики явилось и существование в структуре административного аппарата специфичной приказной должности толмачей, которые были посредниками между феодальным государством и иноподданым населением Казанского царства. Толмачи выступали в роли переводчиков, толковали распорядительные акты местной власти, пропагандировали законы русского государства среди местного населения, осуществляли разовые поручения воевод, касающиеся местного населения. Таким образом, институт воевод продемонстрировал

свою востребованность в сложных исторических условиях, сыграв исключительную роль в процессе становления и укрепления Российской империи как многонационального государства.

Стратегическое положение Казанского царства в условиях сложной военно-политической обстановки после завоевания Казани потребовало от царского правительства особого подхода и в вопросе организации центрального управления этим регионом. Сам факт провозглашения Иваном Грозным себя царем Казанского царства, которое в источниках упоминается наряду с титулом царя Московского, свидетельствует об особой значимости данного региона. И если первоначально функции центрального управления Казанским царством осуществлялись лично царем, отдельными московскими дворецкими, то по мере стабилизации политической обстановки управление краем из центра сосредотачивается в специальном органе, охватившем своей властью территорию всего Поволжья. Политическая ситуация в Казанском царстве обусловила необходимость концентрации усилий правительства по его управлению в специально созданном в Москве в последней четверти XVI века органе — Приказе Казанского дворца. На этот орган была возложена задача формирования и осуществления основных направлений политики государства на территории Поволжья. Приказ Казанского дворца ведал назначением воевод и приказных лиц, контролировал их службу, выступал в качестве высшей судебной инстанции, управлял финансовыми и прочими делами Поволжья и Сибири.

Таким образом, региональная специфика самым непосредственным образом отразилась и на организации центрального государственного управления Казанским царством. Центральное управление Казанским царством, в отличие от всех других московских приказов, организованных на принципе отраслевого управления, характеризовалось как многоотраслевое. Приказ Казанского дворца выступал в качестве территориального органа управления, в котором сосредотачивалось ведение всеми вопросами общественной и государственной жизни территории всего Поволжья. В отличие от всех других московских приказов, которые ведали отдельной отраслью государственного управления, Приказ Казанского дворца в своем лице осуществлял управление исключительно всеми отраслями

общественной и государственной жизни подведомственной ему территории Казанского царства.

Выводы

1. Система местного управления, возглавленная воеводами, была приспособлена для решения задач преодоления противодействия повстанческому движению и окончательного закрепления за царской властью формально присоединенной территории.

2. Воеводское управление было основано на принципах децентрализации и отсутствия субординации среди воевод.

3. Непосредственное подчинение царю, автономный характер и абсолютная полнота военной и гражданской власти воевод по широкому кругу вопросов местного управления, включая осуществление правосудия, можно рассматривать как особую технологию управления в чрезвычайных условиях.

4. Отсутствие возможности осуществления текущего контроля над деятельностью воевод и архиепископов обусловило востребованность их непосредственной подотчетности и краткосрочности царской власти.

5. основополагающим элементом политической и правовой институционализации

системы местного управления в Казанском царстве выступали наказные грамоты царя, характер предписаний которых позволяет рассматривать эти акты в качестве специфических источников права.

6. Системе местного государственного управления характерна профессиональная основа государственной службы, так как воеводы и служилые люди обеспечивались жалованием непосредственно из казны.

7. Система местного управления была этнически замкнутой, изолированной от местных народов. Управление делами местного населения Казанского царства было отделено от управления делами русских переселенцев.

8. Системе местного управления характерен дуализм власти, в составе которой выделялись абсолютно независимые по отношению друг к другу светская и духовная ветви государственной власти.

9. Центральное государственное управление Казанским царством отражало влияние региональной специфики, обусловившей необходимость сосредоточения всей полноты ответственности за управление всеми вопросами в едином территориальном органе — Приказе Казанского дворца.

Литература

1. Валиев Р.Г. О концепции общенациональной истории России // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 4 (118). С. 1119–1128. IDA [article ID]: 1181604070. URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/04/pdf/70.pdf>
2. Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI — середина XVII в.). Тексты и комментарии / И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. Казань : Издательство Казанского университета, 1990. 206 с.
3. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI — XVII вв. (управление Казанским краем). Казань : Издательство Казанского университета, 1982. 223 с.
4. Малько А.В., Маркунин Р.С. Место и роль юридической ответственности органов публичной власти в Концепции правовой политики в сфере юридической ответственности // Вектор науки. 2016. № 2 (25). С. 45–48.
5. Мухаев Р.Т. История государственного управления в России : учебник для бакалавров / Р.Т. Мухаев. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство «Юрайт», 2014. 770 с.
6. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М. : Славянский диалог, 1998. 416 с.
7. Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / отв. ред. В.В. Трепавлов; Ин-т рос. истории. М. : Наука, 2003. 378 с.
8. Склифус С.В. Ответственность публичной власти в Российской Федерации перед населением как один из факторов ее легитимности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 4 (4). С. 44–48.
9. Солодкин Я.Г. Начало формирования воеводской системы управления в Сибири // История государства и права. 2015. № 4. С. 46–49.
10. Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань, 1921. 136 с.
11. Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке / Чичерин Б. М. : Тип. Александра Семена, 1856. 604 с.
12. Шпилевский С.М. О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии и о возможном содействии обществу со стороны жителей местного края // Известия общества археологии, истории и этнографии. Т. 3. 1880–1882 гг. Казань : Типография императорского университета, 1884. С. 3–32.